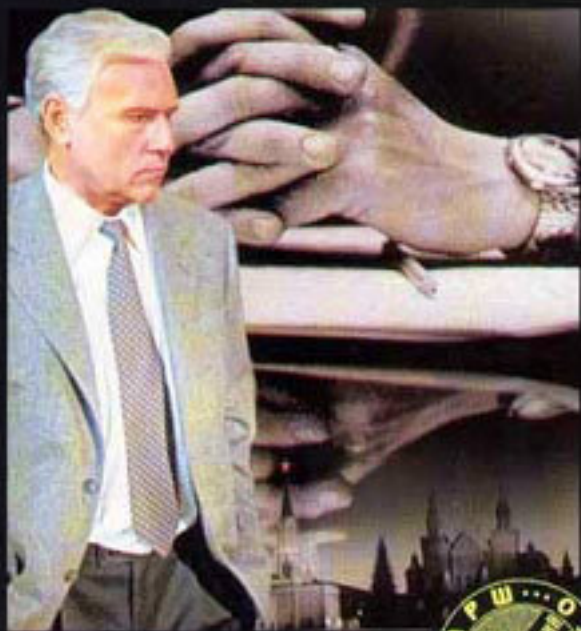

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Сегодня – ты,
а завтра ...

Фридрих Евсеевич Незнанский

Сегодня ты, а завтра...

Серия «Марш Турецкого»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146059
Сегодня – ты, а завтра...: АСТ, Олимп; Москва; 2001
ISBN 5-8195-0032-6, 5-237-01988-9, 5-17-001054-0*

Аннотация

В самом центре Москвы, у входа в Государственную Думу выстрелом снайпера убит генерал Филимонов – один из самых известных политиков России. Расследование этого беспримерного по своей дерзости преступления ведет следователь по особо важным делам Александр Турецкий. Идя по следу преступников, он выясняет, что убийство на пороге Российского парламента – всего лишь верхняя часть айсберга. «Русская мафия» в Америке, связанные с криминальным миром высокопоставленные российские чиновники, торговцы оружием, фанатичные последователи неонацистских идей – все это причудливым образом переплелось в клубке, который предстоит распутать профессионалу высочайшего класса Александру Турецкому...

Содержание

Фридрих Евсеевич Незнанский

4

Конец ознакомительного фрагмента.

128

Фридрих Евсеевич Незнанский

Сегодня ты, а завтра...

Массивная громада гостиницы «Москва» становилась все более неразличимой на фоне медленно чернеющего неба. В это время года – а в Москве стояло жаркое лето – в гостинице почти не было постояльцев. Только несколько окон светилось то тут, то там. Немногие бесквартирные депутаты, живущие здесь, разъехались по своим родным округам на каникулы – отдохнуть от политических баталий, подышать свежим воздухом и подготовиться к очередной жаркой осени. Итак, гостиница «Москва» стояла почти пустая.

Чего не скажешь о доме напротив. В бывшем здании Госплана, а ныне Государственной Думы окон светилось гораздо больше. Целые этажи сверкающими поясами охватывали каменный куб. За окнами то и дело мелькали темные фигуры. Даже во время каникул законодательный орган не прекращал своей деятельности. Перед зданием Госдумы рядом выстроились черные сверкающие автомобили – «мерседесы», «опели», «ауди». Изредка затесавшаяся между ними тридцать первая «Волга» – мечта партноменклатурщика еще каких-нибудь десять лет назад – выглядела здесь бедной родственницей. Да, времена меняются...

А внизу бурлила жизнь. За углом сверкала неонов Твер-

ская, по новеньким дорожкам Манежной, густо уставленной псевдостаринными фонарями и пузатыми балясинами, прогуливались москвичи и озирающиеся по сторонам иностранцы, под гостиницей «Москва» дежурили ярко одетые проститутки и их немногочисленные сутенеры. Непосвященному попервоначально могло показаться, что в гостинице закончился съезд фотомоделей, и они после заседания вышли на улицу, выстроились вдоль тротуара, чтобы поймать такси и отправиться по домам. Машины то и дело притормаживали рядом с шеренгой молодых, очень молодых и совсем молодых женщин. Сидящие в своих авто мужчины придиричливо осматривали их, некоторые, услышав цену, давили по газам. Иногда дверца открывалась, и «счастливица» под хмурыми взглядами своих товарок забиралась в машину и уезжала. На всю ночь, на несколько часов или же всего минут на пятнадцать, за которые машина успевала сделать пару кругов по близлежащим улицам, а путана – выполнить свои обязанности.

Кстати, эта «биржа» существовала здесь всегда, с тех незапамятных пор, описанных в «Детях Арбата», когда гостиница «Москва» только-только открылась. Ни бдительная советская милиция, ни близость властных структур, ни режимный статус гостиницы (здесь довольно долго после войны располагались иностранные посольства) не могли помешать жрицам любви. Только, по воспоминаниям старожилов, раньше машины клиентов кружили непосредственно вокруг гости-

ницы – это, говорят, было очень удобно.

Летними вечерами в центре Москвы народу полно, особенно в районе Манежа. Никто в общем-то друг на друга внимания не обращает – народ в основном глазееет на вырвавшуюся из многовекового заточения по воле неумолимого скульптора Церетели речку Неглинку, несуразно большие бронзовые фигуры сказочных героев на ее берегах, множество лесенок и перилец, превративших некогда большую и просторную Манежную площадь в некое подобие детской площадки.

Поэтому неудивительно, что вышедшая из метро молодая женщина делового вида, в строгом костюме и с объемистым портфелем в руках не привлекла ничьего внимания. Гуляющие жевали мороженое, глотали кока-колу и фанту, проститутки поджидали клиентов, сутенеры присматривали за проститутками, и никому дела не было до какой-то там деловой женщины. Тем более у нас таких пока что не привечают.

Между тем женщина прошла сквозь толпу и подошла к дверям ресторана в торце здания гостиницы «Москва». Здесь она на секунду остановилась, заглянула в стекло на двери, как в зеркало. Поправила прическу, одернула костюм, смахнула невидимую пылинку с лацкана.

Если бы кто-нибудь следил за ней (а как мы помним, таковых не оказалось), он бы обязательно заметил, что в эту секунду в костюме женщины появилась одна маленькая, но существенная деталь. На лацкане невесть откуда взялся ма-

ленький трехцветный флажок – значок депутата Государственной Думы.

Женщина решительно толкнула тяжелую дверь и вошла в большой гранитно-мраморный вестибюль.

Здесь было не так жарко, как снаружи. От гранитно-мраморного сталинского интерьера веяло прохладой и какой-то основательностью. Двое рослых секьюрити с металлоискателями в руках направились было к женщине, но, заметив депутатский значок, вернулись к своим стульям. Ну не обыскивать же депутата, в самом деле!

Она поднялась на второй этаж и, пройдя через холл, оказалась в огромном зале ресторана. Большинство столиков было занято. В воздухе стоял ровный гул голосов.

К женщине тут же подскочил метрдотель:

– Прошу вас вот к этому столику, у окна. Здесь можно смотреть на улицу, любоваться видом. Будете ужинать?

– Да, – кратко ответила она, – пожалуйста, отдельный столик.

– Не извольте беспокоиться. – Метр, согнувшись в талии, указал ей стол около окна. Депутаты часто забредали сюда. Иногда даже самые известные – как-то сам Жириновский зашел, напился и перебил кучу посуды. Правда, затем аккуратно оплатил все расходы... Так что здесь к депутатам привыкли.

Женщина прошла к столику. Через полминуты подошел официант, которому был заказан плотный ужин. Когда офи-

циант отошел, она, вытащив из портфеля мобильный телефон, набрала номер:

– Я... Да... Да...

Закончив телефонный разговор, она глянула на часы, выпила стакан газировки и повернулась к окну. Там, на площади, в общем-то ничего интересного не происходило, но она продолжала внимательно смотреть в большое, с массивным гранитным подоконником окно.

Вскоре официант принес закуски. Она съела салат, намазала маленький кусочек хлеба черной икрой, потом отведала красной рыбки. Потом съела первое – куриную лапшу. И только когда принесли второе – толстый и сочный бифштекс, – она вновь вынула телефон:

– Да... Хорошо...

Она посидела еще пару минут, отрезала и проглотила маленький кусочек бифштекса. Выпила еще газировки. Затем, прихватив свой портфель, встала из-за столика и направилась к выходу. Видимо, в туалет...

И тут на нее никто не обратил внимания. Даже метрдотель, который в этот момент был занят своими делами.

Однако, выйдя из зала в холл, она прошла мимо входа в женский туалет и направилась в угол, где находилась небольшая дверь, ведущая на служебную лестницу. Быстро проشمгнув в нее, она плотно прикрыла дверь. Надо сказать, в холле не было ни одной живой души.

На лестнице было темно и пусто. Но женщина, видимо,

хорошо знала дорогу. Поднявшись на два этажа, она попала в пустой коридор гостиницы. Неслышно пройдя по ковровой дорожке, устилающей пол, она подошла к одной из дверей и, вытащив из кармана ключ, отперла ее.

В номере стояла тьма. Женщина аккуратно прикрыла дверь и, миновав небольшой коридорчик, вошла в комнату.

Окно по причине жары было открыто настежь. Напротив возвышалось огромное здание Государственной Думы.

Она снова достала телефон и нажала пару кнопок. На том конце тотчас же ответили:

– Порядок. Через три минуты.

Она поставила на стол свой портфель, негромко клацнула замками и достала оттуда несколько деталей – металлическую трубку, прямоугольную железяку, что-то вроде подозрительной трубы. Через десять секунд у нее в руках была короткая легкая винтовка с оптическим прицелом.

Проверив магазин и затвор, она отошла в глубь комнаты, разулась, встала на стул, прислонилась к шкафу, крепко уперла короткий приклад в плечо, прицелилась и стала ждать.

В перекрестье оптического прицела находилась площадка прямо перед входом в здание.

Видимо, три минуты истекли, потому что тяжелая дверь здания Думы открылась и из нее вышли несколько человек в строгих костюмах. Они осмотрелись и подали знак тем, кто еще находился внутри.

...Он был в отличие от своих спутников в светлом летнем пиджаке. Женщина уверенно поймала его в перекрестье прицела и нажала спусковой крючок...

Если бы в комнате был кто-нибудь кроме женщины, он бы услышал негромкий щелчок, ну примерно какой раздастся, если закрыть металлическую крышку зажигалки «Зиппо». Одним словом, ничего подозрительного. И к тому же, как мы помним, в комнате никого больше не было...

...Мужчина в светлом пиджаке упал как подкошенный. Впрочем, нет, он успел схватиться за голову. И абсолютно нереальная в вечернем свете уличных фонарей кровь хлынула между пальцев.

Впрочем, женщина не стала следить за дальнейшим развитием событий. Она спустилась со стула, надела туфли, аккуратно стерла с винтовки отпечатки пальцев, сунула ее за шкаф, подхватила свой портфель и быстро вышла из номера.

В коридоре было по-прежнему тихо. И темно. Женщина огляделась по сторонам, ничто не привлекло ее внимания. Она шмыгнула на служебную лестницу и прежним путем вернулась в зал.

Ее не было всего минут шесть-семь. Никто и не заметил ее отсутствия. Посетители ресторана еще не знали о том, что произошло на тротуаре перед зданием Государственной Думы.

Бифштекс даже не успел остыть. Женщина взяла вилку, нож и с аппетитом принялась за еду...

Тяжелый «Боинг-747» мягко коснулся резиной своих шасси раскаленного бетона нью-йоркского аэропорта имени Кеннеди. Лайнер, постепенно замедляя ход, покатил к зданию аэропорта. Пассажиры в широченном салоне смотрели в иллюминаторы на высохшую траву, рябь поднимающегося от земли раскаленного воздуха, разомлевших от жары служителей аэропорта и не верили, что через пять минут им предстоит покинуть прохладный салон самолета и окунуться в безжалостную и одуряющую нью-йоркскую жару.

Небольшой тягач подтянул самолет к приемному терминалу аэропорта, и пассажиры понемногу просочились в узкую кишку, соединяющую выход из самолета со зданием аэропорта.

Дикторша уже объявила о прибытии самолета, следующего рейсом Тель-Авив – Нью-Йорк, и толпа встречающих выстроилась двумя шеренгами, пропуская пассажиров и вглядываясь в лица. Некоторые держали в руках таблички, на которых корявыми буквами были начертаны имена. Вскоре по этому живому коридору пошли пассажиры «боинга».

Время от времени в толпе раздавались крики восторга – это родственник, приятель или супруг, заведя «своего» бросался к нему, тот, прямо на пол роняя свои сумки, делал то же самое. И они, обнимаясь и громко восклицая, останавливались прямо на проходе, мешая продвижению остальных. Впрочем, это никого не раздражало. Израильтяне, коих среди пассажиров было большинство, умеют ценить чужую ра-

дость и относятся к ней как к своей. Тем более почти каждого из них поджидал родственник, друг или просто знакомый. В результате рядом с выходом, прямо за зоной таможенного контроля, образовалась большая восклицающая, целующаяся, обнимающаяся толпа.

Пожилой человек, лет под семьдесят, в серых брюках и белой рубашке с закатанными рукавами с трудом пробрался сквозь толпу. Его не встречал никто. Старческая походка, редкие седые, зачесанные назад волосы, сероватая кожа лица – все выдавало в нем человека, изрядно потрепанного жизнью и одряхлевшего гораздо раньше положенного.

Выйдя в зал ожидания, он первым делом направился к телефонам-автоматам. Купив жетон, закрылся в будке, поставил на пол небольшую дорожную сумку – свой единственный багаж, вынул из нагрудного кармана рубашки потрепанную записную книжку, нацепил на нос старенькие очки в толстой оправе и, тщательно сверяясь с номером, потыкал в кнопки.

Автоответчик сообщил бодрым женским голосом на двух языках – английском и русском, что никого нет дома, что каждый звонящий может после длинного гудка оставить сообщение. Старик не стал ждать гудка и повесил трубку.

Выйдя из будки, он направился к выходу. За стеклянными дверями его поджидал раскаленный нью-йоркский воздух. В первый момент старик, как, впрочем, и все выходящие из аэропорта, чуть приостановился, пытаясь привыкнуть к духоте. А потом пошел дальше. Мимо улыбающихся пуэртори-

канцев, наперебой предлагающих такси, мимо заманчивых автоматов с ледяной кока-колой, туда, где маячила большая табличка «JFK service bus stop».

Автобусом до города добираются только малообеспеченные. К таковым, судя по всему, и принадлежал наш старик...

Через полтора часа он вышел из автобуса в районе Даунтауна. Недалеко находилась станция подземки. Старик спустился в метро, опять разыскал телефон и набрал номер. Результат был тот же, что и в аэропорту. Затем он встал возле схемы, вновь достал свою записную книжку и долго что-то искал, сравнивал, шевеля губами и водя пальцем по схеме.

Наконец он сел в поезд и доехал до Манхэттена. Выбравшись наконец на поверхность, вновь достал свою записную книжку, долго изучал в ней что-то, потом все-таки решил, подошел к краю тротуара и поднял руку. Через пару секунд перед ним остановилось желтое такси. Старик забрался на переднее сиденье и показал таксисту адрес в записной книжке. Таксист с сожалением оглядел его и на чистейшем русском языке произнес:

– Да ты что, дядя, тут же два шага. За угол повернешь, и третий дом справа твой. Понял?

Старик пробормотал какие-то слова благодарности и вышел из такси.

Через десять минут он стоял перед закрытой дверью подъезда, с обеих сторон которой было прикреплено десятка полтора медных табличек. Старик долго изучал их содержание,

пока не нашел то, что искал. На одной из табличек значилось: «Doctor Edvard Kiparis. 3th floor».

Старик, видимо, был удовлетворен. Он толкнул дверь, вошел в подъезд и поднялся на третий этаж. Однако дверь, табличка на которой извещала, что именно здесь находится офис доктора Кипариса, оказалась запертой. Старик нажал кнопку переговорного устройства, из динамика которого через секунду раздалось приветствие по-английски.

– Э-э, хелло... – старик явно очень плохо знал английский, – ай... ай лук фо... доктор Кипарис...

– Доктор принимает только по вторникам и четвергам, с десяти до двух, – внезапно перешел на чистый русский отвечающий ему по переговорнику.

– Я сегодня приехал... Я давний знакомый Эдуарда Владимировича. Хотел бы с ним встретиться... – промямлил старик.

– Вам же сказано: доктор сегодня не принимает. К тому же сегодня его вообще нет в городе, – неприязненно ответили из-за двери.

Старик переступил с ноги на ногу и сделал еще одну попытку:

– Понимаете, мне очень нужно с ним встретиться. Это не по поводу лечения. Я его коллега. Тоже кардиолог. Я приехал специально для этого...

– А вы договаривались о встрече? – перебил его голос.

– Н-нет. Я звонил, оставлял сообщения на автоответчик.

Я звонил сюда, в офис.

– Доктор Кипарис не имеет возможности оказывать помощь своим бывшим соотечественникам. Извините. – В голосе из динамика послышались металлические нотки.

– Стойте, стойте, – закричал старик, чувствуя, что с ним пытаются распрощаться, – я не по поводу помощи. Я его старый коллега, он меня прекрасно знает. Мне не нужна никакая помощь. Я хочу просто встретиться с ним. Пожалуйста, помогите.

В динамике помолчали. Потом задали еще один вопрос:

– Так, значит, он не знает о вашем приезде?

– Нет, не знает. Но я уверен, когда он узнает, что я здесь, обязательно захочет со мной встретиться. Вы не могли бы мне сообщить, как его найти? Может, телефон или адрес?...

После недолгого молчания в динамике раздалось:

– Как вас зовут?

– Бычков. Профессор Бычков.

– Имя, отчество?

– Это не обязательно. Он прекрасно меня знает. Скажите просто: профессор Бычков.

– Хорошо. Зайдите через полчаса. Я свяжусь с ним.

– А нельзя ли... – попытался сказать старик.

Но переговорное устройство уже было отключено.

Старик поглядел на часы. Около трех. Он спустился, вышел на улицу, перешел на другую сторону, где под яркими навесами стояли несколько белых пластмассовых столов и

стульев маленького кафе. Старик выбрал место в тени и сел за столик. К нему тотчас же подошел официант.

– Кока-кола, – произнес старик слова, давно ставшие международными. Затем он достал из сумки мятую пачку сигарет и нервно закурил. Так, прихлебывая кока-колу и куря, он провел полчаса.

Когда он вновь поднялся в офис и нажал на кнопку, голос в динамике звучал уже более приветливо:

– Да, господин Бычков, я говорил с Эдуардом Владимировичем. За вами через пять минут приедет машина...

И действительно, через некоторое время к подъезду подъехал длинный серебристый лимузин.

Бычков подошел к приоткрытой двери и влез в прохладный салон машины.

– Здор-рово, дед! – Ужасающе хриплый голос принадлежал шоферу. Любой приличный человек, увидев такого типа, сразу же перешел бы на другую сторону улицы. Глубокий белый шрам пересекал наголо бритый череп. Следы давнишних, видимо в свое время неумело наложенных швов на щеке. Отсутствие указательного пальца на правой руке, толстенная золотая цепь на шее, несколько массивных перстней. Впечатление довершала татуировка на запястье – восходящее солнце и надпись полукругом: «В душе моей темно».

Бычков не смог вымолвить ни слова. Однако шофер и не ждал от него никаких слов. Взмахнув тормозами, лимузин газанул по залитой солнцем, жаркой нью-йоркской улице.

Больше никто и никогда не видел профессора Бычкова.

Телефон на моем столе зазвонил резко и нетерпеливо.

– Турецкий! Ты не забыл, куда мы сегодня идем?! – раздалось в трубке, едва я успел ее поднять.

Вот так. Ни «здрасьте» тебе, ни «до свиданья». А если я в этот момент допрашиваю опасного преступника? А если именно сейчас, в эту секунду, у меня в голове появилась разгадка тяжкого преступления? Нет, никак не может Ирина Генриховна, жена моя, понять, что ее муж, то бишь я, Александр Борисович Турецкий, работает не где-нибудь, а в Генеральной прокуратуре Российской Федерации. И не кем-нибудь, а старшим следователем по особо важным делам!!! А это вам не хухры-мухры, между прочим!

Кстати, о чем это она?

– Ты о чем? – продублировал я свою мысль вслух.

Из трубки донеслось напряженное молчание. Да-да, я не ошибся. Именно молчание. Ира умеет так молчать, что хочется сорваться с места и умчаться куда подальше со скоростью курьерского поезда. Вот и сейчас мне показалось, что телефонная трубка раскалилась и вот-вот лопнет от мощного потока отрицательных флюидов, испускаемых Ириной.

– Турецкий! Неужели ты забыл! Как ты мог?! Ведь мы сегодня идем на концерт! В кои-то веки... А ты... Я для тебя ничто... Права была тетя...

Дальнейшую тираду приводить здесь незачем. Ну, да, да, да, согласен. Конечно, я свинья. Ведь билеты на концерт Ро-

строповича Ирина купила месяц назад, предварительно согласовав со мной дату, а потом каждые три дня напоминала мне о предстоящем посещении Большого зала консерватории. Последний раз напомнила позавчера.

А я, конечно, замотался, как всегда, и забыл.

– Ну что ты, конечно, помню, – попытался я вытащить себя за волосы из лужи, – помню и как раз сейчас собирался идти домой. Кстати, во сколько концерт?

– В восемь, – отрезала Ира и бросила трубку.

Я глянул на часы. Без пяти минут семь. Вагон времени!

Вихрем спустившись во двор, я вскочил в машину. Взревел мотор, и, не обращая внимания на дорожные знаки, светофоры и прочее, я помчался домой. Ничего, если остановят гаишники, то есть, пардон, теперь гибэдэдэшники (язык сломать можно), скажу, что преследую опасного преступника. Имею я право хоть раз в жизни воспользоваться служебным положением или нет?!

Дома я застал одетую в длинное вечернее платье Ирину с красными глазами, свои начищенные до блеска выходные туфли и – вы не поверите – смокинг! Настоящий смокинг!

Нет, все– таки моя жена – чистое золото!

– Откуда? – только и вымолвил я, разглядывая отличную черную ткань, шелковые лацканы и брюки с лампасами.

– Для тебя старалась, – огрызнулась Ирина, еще не успевшая отойти от своего раздражения и привыкнуть к мысли, что я дома и мы все-таки идем на долгожданный концерт, –

хотела тебе сюрприз сделать.

– И это тебе удалось, – сказал я, обнимая ее.

– Так одевайся скорее!

Смокинг оказался как раз впору, в чем я в общем-то и не сомневался. Посмотрев на себя в зеркало, я остался весьма доволен. В таком виде хоть на прием к английской королеве!

Мы успели как раз к началу концерта. Ирина быстро успокоилась и стала слушать музыку. Так, как она умеет это делать – самозабвенно, полностью вливаясь в тот поток звуков, который шел в зал со сцены. Казалось, она сейчас не здесь, рядом со мной, а где-то очень далеко. А почему бы тебе, Турецкий, тоже не расслабиться и не отдохнуть? Как раз подходящий момент, чтобы забыть на время свои бесчисленные картонные папки, содержащие свидетельства о человеческой гадости и подлости. Обратиться к возвышенному, чистому. К вечности...

Может быть, мне и удалось бы вместе со всеми присутствующими сделать это. Но в этот самый момент благоговейную, почти молитвенную атмосферу зала нарушил негромкий, но очень неприятный звук. Звонок моего мобильного. Черт побери, я забыл его выключить!

Интеллигентная публика сделала вид, что ничего не произошло. Я вытащил телефон и нажал на кнопку.

– Да, – почти неслышно произнес я.

– Саша, это я, – послышался в трубке крайне взволнованный голос Меркулова, – ты срочно нужен.

Я оглянулся: все были поглощены музыкой. К тому же момент был достаточно громкий.

– Я сейчас не могу, – сказал я, – а что случилось?

– Саша, только не падай со стула. Убит генерал Филимонов.

– Что-о-о?! – воскликнул я, на секунду забыв, где нахожусь.

На беду, музыка стала тише, и мой возглас, кажется, услышал даже сам Ростропович. Я почувствовал на себе десятки укоризненных взглядов. И строже всех на меня смотрела Ирина. Я готов был сквозь землю провалиться.

– Перезвони через две минуты, – сказал я в трубку и, схватив Иру за рукав, двинулся к выходу.

– Что еще случилось? – раздраженно поинтересовалась Ира, когда мы вышли в вестибюль.

– Ира, ты только не обижайся, но домой тебе придется добираться одной.

– Я так и знала, что ты не пропустишь случая испоганить мне вечер! – моментально надулась она.

– Ира, пойми...

В этот момент вновь зазвонил телефон, вернее, завибрировал – я, хоть и с опозданием, отключил звонок.

– Турецкий, давай срочно сюда.

– Костя, скажи толком, в чем дело! Я в кои-то веки с женой на концерт выбрался...

– Саша, – отдельно проговорил Меркулов, – полчаса на-

зад у подъезда Государственной Думы застрелен генерал Филимонов. Все остальное узнаешь на месте. Это приказ генерального. Давай ноги в руки – и сюда. Жду.

И он положил трубку.

Я вытащил из кармана ключи от машины и протянул их Ирине:

– Ира, я должен ехать. Только что убили Филимонова.

– Какого Филимонова? – недоверчиво переспросила она.

Я вздохнул:

– Того самого...

Выбежав на улицу, я довольно быстро схватил такси:

– Давай на Манежную, братишка. К Думе.

Таксист покачал головой:

– Не получится, командир. Только что оттуда. Все перегородили. Милиции – тьма. Одни мигалки. Что-то, видимо, произошло. Так что не проедем.

– Ничего, – успокоил его я, – езжай. Пропустят.

Таксист пожал плечами и потребовал деньги вперед. Только после этого мы двинулись.

Пока ехали, я, глядя на огни вечерней Москвы, пытался привести свои мысли в порядок. Звонок Меркулова был настолько неожиданным, что просто выбил меня из колеи. Тем более у меня до сих пор в голове не укладывалось, что только что убили не кого-нибудь, а самого генерала Филимонова. Поверьте, я на своем веку много преступлений повидал, и если о каждом из них книгу писать – шкафа не хватит. Но

такого еще не было. Чтобы в центре Москвы, в двух шагах от Кремля, да еще политика такого ранга!.. Нет, подобного еще не было.

Между тем мы подъехали к Манежной. Действительно, движение было остановлено, всех заворачивали в объезд.

Таксист притормозил и положил руки на руль:

– Я же говорил. Теперь куда?

– Давай прямо к оцеплению. Поближе.

Таксист опять пожал плечами и подкатил к регулировщику, усиленно размахивающему полосатым жезлом.

– Нельзя, нельзя! Объезд! – закричал тот.

Я вынул из кармана свою корочку и показал милиционеру. Тот взял под козырек и подал знак следующим в оцеплении, чтобы нас пропустили. В глазах таксиста появилось уважение.

После обычных милицейских «Жигулей» в следующем кольце стояли «опели» и «форды». А дальше – несколько черных лимузинов, на которых приехали явно большие шишки. Например, я заметил «мерседес» генерального прокурора. Таксист только ошарашенно вертел головой.

– Ну ладно, давай я здесь выйду. А то тебя обратно не выпустят, – сказал я таксисту и вышел из машины.

У подъезда Государственной Думы, освещенная яркими фонарями, перед желтыми лентами ограждения стояла небольшая группа людей. Батюшки, да здесь собрались почти все главы наших силовых ведомств! Я сразу заметил ми-

нистра внутренних дел Ильина, директора ФСБ Короедова, генерального прокурора. Кроме того, здесь было несколько депутатов, включая спикера Госдумы Гусева. Чуть в отдалении я заметил до боли знакомые фигуры Славы Грязнова и Кости Меркулова. К ним я и направился.

Подходя к группе больших начальников, я заметил, что все они повернулись в мою сторону и с интересом, даже с каким-то неодобрением разглядывают меня. Мне стало как-то не по себе – знаете, когда на вас непонятно почему пялятся министры и высшие руководители страны, приятного тут мало. Интересно, чего это они?

– Здорово, – хмуро сказал Грязнов, тоже оглядывая меня с головы до ног, – чего это ты так вырядился?

Ах вот в чем дело! Я и забыл, что на мне роскошный смокинг, брюки с шелковыми лампасами, рубашка со стоячим воротничком с загнутыми уголками и изящная бабочка! Вид, согласитесь, не совсем обычный для следователя, прибывшего на место преступления.

– А, – небрежно ответил я Грязнову, – это так, обычная одежда. Нечто вроде спецовки. Я в этом в машине ковыряюсь.

– Нет, вы только посмотрите, – вступил в разговор Меркулов, – он еще шутит! Турецкий, смотри, доиграешься! Уволю! – И он погрозил мне пальцем.

– Костя, неужели этот момент еще при моей жизни наступит?

– Ладно. Нечего языком трепать. Давайте, ребята, дело серьезное. Действуем оперативно и слаженно. Пошли осмотрим труп вместе с судмедэкспертом.

Мы подлезли под оградительную ленту и подошли к телу генерала Филимонова, освещенному автомобильными фарами и прожектором «скорой».

Вот он, бывшая гроза афганских душманов, любимец армии, всегдашний оппозиционер и, как его называли в газетах, «харизматический лидер». Это к его слову в свое время прислушивался и министр обороны, и даже сам Президент, правда, недолго. Это его называли одним из вероятных претендентов на высший пост в государстве. Вот он, генерал-полковник Филимонов, лежит на асфальте в луже собственной крови, безвольно раскинув руки. И никому он теперь не страшен. Пуля, которая прошла мимо под Кандагаром, в Фергане, в Тбилиси и Грозном здесь, в центре Москвы, в мирное время настигла и убила его.

Судмедэксперт, увидев нас, поднялся.

– Ну что? – спросил Меркулов.

– Что я могу сказать? Пока немного. Судя по отверстию, пуля небольшого калибра. Около пяти миллиметров – точно будет известно, когда мы ее извлечем. Так как она застряла в тканях черепа, скорее всего, стреляли издалека. Причем со стороны проезжей части.

– Из чего это следует? – вмешался я.

– Когда он выходил из подъезда, лицо его, естественно,

было обращено к улице. Пуля попала в правую часть лба, прямо над бровью. Надо сказать, выстрел мастерский.

– Снайпер? – предположил Меркулов.

– Скорее всего. И очень профессиональный.

– Ясно. А что говорят охранники?

– Чего говорят? – Грязнов пожал плечами. – Ничего не говорят. Вышли из подъезда, осмотрелись, все было спокойно. Когда Филимонов появился, двух секунд не прошло, как он схватился за голову и сразу же упал.

– Звука выстрела, конечно, не слышали?

– Нет.

– Кто-нибудь кроме охранников был свидетелем убийства?

Грязнов улыбнулся:

– Понимаю, на что ты намекаешь. Охранников я уже задержал. Но вынужден тебя огорчить – я сам осмотрел их оружие, ни из одного пистолета давно не стреляли.

– А все-таки кто-нибудь еще был рядом в момент выстрела?

– Шоферы в некоторых депутатских машинах. Но никто из них момента убийства не заметил.

– Как так? У них под носом убивают человека, а они в упор не видят?

– Да. Кто газету читал, кто дремал. Так что единственный свидетель кроме охраны – это шофер самого Филимонова. Он, понятно, следил за выходом своего шефа. Но шо-

фер утверждает то же самое, что и охранники, – вышел и сразу упал.

Я посмотрел на возвышающуюся напротив здания Думы гостиницу «Москва». Горели почти все окна.

– Я так понимаю, что, скорее всего, стреляли оттуда?

Грязнов хмыкнул:

– Поразительная догадливость. Не в проезжавшей же машине снайпер сидел.

– Я надеюсь, все входы и выходы из гостиницы перекрыты?

– Естественно.

– Ну что, тут вроде все ясно. Пойдем теперь искать следы убийцы.

– Очнулся! Мои ребята уже там. Все номера проверяют.

Я почесал в затылке:

– Хорошо... А теперь скажи мне, Костя, какого хрена им понадобилось убивать его именно здесь, в центре Москвы? Что, для этого другое место трудно было найти? У подъезда дома, на даче. Машину взорвать, в конце концов. А?

– Не знаю. Но мне кажется, сначала надо установить, кто эти «они».

– Разумно. И если все так, как мы думаем, и убийца стрелял из гостиницы, то...

– То, возможно, он еще там, – закончил Грязнов, – хотя надежда слабая...

В вестибюле гостиницы стояли шум и гам. Здесь находил-

ся почти весь персонал гостиницы и, как я понял, все постояльцы. Никого не выпускали на улицу, поэтому присутствующие пребывали в крайней степени возмущения.

К нам тут же подскочил толстый человек с депутатским значком на лацкане:

– Товарищи, мне необходимо в Думу. Сейчас проходит заседание фракции. А меня не выпускают!

Грязнов покачал головой:

– К сожалению, ничего сделать не могу. Пока не будут проверены все находящиеся в гостинице, никто отсюда не выйдет.

– Но меня не имеют права задерживать! Я обладаю депутатской неприкосновенностью! – скандалил тот.

– После проверки документов вас выпустят.

– Когда?

– Через некоторое время.

– Через какое?

– Я вам русским языком говорю: через некоторое.

– Я здесь торчу уже час!

– Послушайте, – наконец разозлился Грязнов, – вы наверняка уже знаете, что произошло. Убит ваш коллега. Между прочим, тоже обладавший неприкосновенностью! И что, спасла она его, неприкосновенность эта? А? И вас может не спасти!

Это он, конечно, перегнул палку. Однако запелляционная угроза Грязнова неожиданно подействовала. Депутат

как-то сник, повернулся и отошел к стене. Сел на стул, откуда испуганно поглядывал на нас, держась за сердце.

Народу в гостинице, судя по всему, было немало. Я вздохнул, глядя на эту разношерстную толпу. С каждым из них нужно будет переговорить, кое-кого подробно допросить, сравнить показания, установить степень их истинности и достоверности, потом проанализировать, свести воедино... Короче, работы – непочатый край.

– Ну что, Саша, пойдем посмотрим, как там дела у моих ребят...

Двери номеров были раскрыты настежь. Светло и пусто – только кое-где группками стояли взволнованные горничные и кастелянши, шушукались и испуганно поглядывали на нас. Мы с Грязновым поднялись на второй этаж, потом на третий. И когда подошли к лестнице, чтобы подняться на четвертый, сверху сбежал один из оперативников.

– Нашли, Вячеслав Иванович! – воскликнул он, заведя своего шефа.

– Тихо ты! – проявил строгость Грязнов. – Докладывать надо по форме.

Но все– таки почти побегал в указанном направлении. Ну и я за ним.

Посреди комнаты нелепо возвышался шкаф, ковер на полу сбился, и все это придавало комнате очень неудобный вид. Хотя в гостиничных номерах, особенно у нас, ни о каком уюте говорить не приходится. Это я вам авторитетно утвер-

ждаю. Конечно, администрация пыталась как-то скрасить казенную обстановку – японский телевизор, светлые обои, на стене репродукция картины «Грачи прилетели», этот самый ковер... И все равно находиться здесь было некомфортно.

На месте отодвинутого шкафа, на полу, лежала небольшая короткая винтовка. Сверху был прикреплен мощный на вид оптический прицел. Таких винтовок я в жизни не видел. Скорее всего, она была сделана на заказ.

– Вот и оружие убийства! – как-то без энтузиазма воскликнул Грязнов.

Я все понял. Тот факт, что убийца оставил винтовку на месте преступления, сам по себе говорил о многом. Это действительно профессионал – раз. Что убийство, скорее всего, заказное, хорошо оплаченное, иначе дорогую складную винтовку с оптическим прицелом он бы так просто не оставил, – это два. И еще одно, самое печальное, – раз это заказное убийство, значит, шансы найти убийцу резко снижаются. Вот почему Грязнов ничуть не обрадовался находке.

– А винтовочка-то не серийная, – сказал я, взглянув на оружие убийства.

Грязнов согласно кивнул:

– Явно тут Кулибин какой-нибудь постарался.

– Эх, богата наша земля талантами!.. – подхватил я.

Грязнов нахмурился:

– С одной стороны хорошо то, что, если есть такой мастер,

то это наверняка не единственное его произведение. Может, похожее оружие проходило по другим делам? А с другой стороны плохо — убийца бросил дорогую складную винтовку, хотя мог ее унести, так же как и внес...

— А кто тебе сказал, что он мог это сделать? — возразил я.

Грязнов покачал головой:

— Ладно, Слава, не расстраивайся. Еще не вечер. В конце концов, кто-нибудь в этой гостинице наверняка должен был его видеть. Кстати, кто живет в этом номере?

Горничная с готовностью ответила:

— Никто.

— А ключ?

— Ключ у меня, а еще один — у завхоза. Как положено. Но вы не подумайте, товарищ начальник, никто его взять не мог.

И она сдвинула брови, выражая тем самым непреклонную решимость охранять вверенные ей ключи даже ценой собственной жизни.

Я ничего не ответил. Видели, сталкивались... На самом деле, нет ничего проще, чем добыть ключ у горничной. Для этого, как говорил Остап Бендер, есть четыреста сравнительно честных способов.

— Ну а вы не видели кого-нибудь подозрительного, чужого? — хватался я за стремительно ускользающие у меня из рук ниточки.

Та опять покачала головой:

— Нет, товарищ начальник, не было никого.

– Можете называть меня Александр Борисович. Ну а что, за весь вечер вообще никто не проходил?

– Как же, проходили. Жильцы проходили, товарищ начальник...

Я вздохнул и вышел из номера, где уже вовсю трудились эксперты-криминалисты – осматривали ковер, наносили на плоскости мебели и ручки дактилоскопический порошок... Только наверняка зря все это. Если был профессионал – а это наверняка профессионал, – никаких следов он не оставил.

Ни одна из опрошенных нами горничных тоже не заметила ничего подозрительного.

– Ну что, Слава, какие будут выводы? – спросил я Грязнов после экспресс-опроса горничных.

Слава молчал.

– Ну ладно, тогда я скажу. Горничные не видели никого подозрительного, потому что он просто-напросто мимо них не проходил.

Грязнов нахмурил лоб, что свидетельствовало о его напряженной мозговой деятельности.

– То есть ты хочешь сказать...

– Именно. Убийца прошел по служебной лестнице.

Я посмотрел на часы. Со времени убийства прошло немногим более часа.

– Он вошел на этаж по служебной лестнице незаметно – ведь горничные сидят за углом, – потом прошел к номеру, открыл его, сделал выстрел, вышел, запер дверь и удалился

тем же путем.

– Куда? – спросил Грязнов.

– Что куда? – не понял я.

– Куда удалился? Ведь тревогу подняли через минуту. Заблокировали все выходы из гостиницы через три. Конечно, за три минуты скрыться можно, но трудно. Согласен?

– Во-первых, три минуты – это не так мало. А во-вторых, знаешь, что бы я сделал на месте убийцы?

– Что?

– Позаботился бы о запасном выходе.

Надо сказать, что мы уже подошли к служебной лестнице и миновали небольшую дверь.

– Ну что ж, Турецкий, это логично. Но не забывай, что это центр Москвы. Здесь все охраняется будь здоров. И гостиница эта строилась именно так, чтобы можно было в считанные минуты заблокировать все выходы. И запасные, и все остальные.

– А это мы сейчас проверим.

На лестнице было темно и пахло плесенью. Откуда-то снизу тянуло холодным воздухом. Мы спустились на этаж ниже. Точно такая же дверь вела в точно такой же гостиничный коридор. Зато за следующей дверью, этажом ниже, нас ждал сюрприз – мы вышли в холл, дверь из которого вела в ресторан.

– Кстати, – сказал Грязнов, – ресторан имеет отдельный выход.

Мы вошли в огромный зал. Как ни странно, он был полон. Большинство столиков занимали люди, которые, правда, не ели, а с тревожными лицами что-то обсуждали. Или просто молча сидели.

К нам сразу же подбежал взволнованный метрдотель. То есть не к нам, а к Грязнову. На меня он, кажется, даже внимания не обратил. Дело в том, что я был одет точь-в-точь как он – черный смокинг, бабочка... Видимо, он принял меня за коллегу. А вот Грязнов – другое дело. Его мундир сразу вызывал уважение.

– Товарищ милиционер... – обратился метр к Славе, – скажите, что мне делать? Люди начинают волноваться. Понимаете, они зашли поесть, отдохнуть, а их тут держат уже больше часа. – Он наклонился и конфиденциально добавил: – А у нас тут, между прочим, депутаты.

– Мы вам хотим задать несколько вопросов, – обратился к нему Грязнов, явно игнорируя слова метра, – скажите, не было ли сегодня каких-нибудь необычных, подозрительных посетителей?

Метр изумленно воззрился на него.

– Что значит – подозрительных?

– Ну, к примеру, беспокойных, нервничающих, с необычными вещами, или что-то в этом роде?

Метр пожал плечами:

– Нет. Вроде нет. Знаете, ресторан большой, за всеми не уследишь. Вон какой зал огромный. Но, кажется, все как все-

гда. Никто не ушел не заплатив, никаких жалоб не было. Я даже не знаю...

Он развел руками.

– А может, кто-то выходил надолго?

– Знаете, практически все наши посетители выходят. В туалет, знаете, руки помыть, покурить, просто поболтать, с кем-нибудь встретиться. Причин много. Постоянно взад-вперед ходят...

Тут подошел один из помощников Грязнова:

– Все обыскали. Больше никаких следов. Паспортные данные всех, кто был в гостинице, записали. Вячеслав Иванович, может, отпустить народ? Волнуются...

Грязнов вздохнул:

– Ладно, Карасев, отпускай.

– Может, и из ресторана отпустите? – вмешался метрдотель. – У них тоже паспорта проверили.

Карасев взглянул на Грязнова. Тот кивнул.

– Граждане, – радостно провозгласил метр на весь зал, – просим извинения, вы все свободны.

К выходу потянулся поток людей.

У всех были недовольные лица. Многие смотрели на нас с неприязнью. То есть на Грязнова и его помощника – меня они принимали за одного из официантов, видимо. Так что в данном случае мой смокинг оказал мне хорошую услугу.

Народ был разный. Несколько групп иностранцев, которые, похоже, так и не поняли, что произошло. Бизнесмен с

женой. Какая-то молодежь. Взлохмаченный человек в жарком костюме и с портфелем. Депутат... Вернее, депутатша... нет, депутатка... В общем, женщина-депутат. В отличие от других у нее вид был скорее безмятежный, чем недовольный. Знаете, если бы не обстоятельства и не депутатский значок на лацкане ее делового костюма, я бы, пожалуй, познакомился с ней. Что-то в ней было притягивающее. Она скользнула безразличным взглядом зеленых глаз по мундиру Грязнова, по моему смокингу и пошла дальше по своим депутатским делам...

В салоне первого класса было почти пусто. Большие красные кресла, обитые натуральной кожей, более вежливые и предупредительные, чем в экономическом, стюардессы, приглушенный шум двигателей, море бесплатной выпивки – одним словом, авиакомпания «Дельта» всю старалась для пассажиров первого класса.

В середине салона, у окна, за которым проплывали серые облака, сидел сухощавый седой человек в мягком вельветовом пиджаке с овальными замшевыми заплатами на локтях. На крупном носу громоздились очки в тонкой золотистой оправе. Цвет чисто выбритых щек выдавал благополучного в материальном отношении человека. Больше всего он был похож на профессора, разумеется, на американского профессора. Из какого-нибудь Принстона или Гарварда. Об этом же говорил и кожаный портфель, лежащий на соседнем сиденье, и стопка бумаг, разложенных на откидном столике. «Про-

фессор» был погружен в их чтение.

Ослепительно улыбающаяся стюардесса подошла к его креслу и, слегка наклонив голову, спросила:

– Не хотите ли поужинать?

«Профессор» оторвался от своих бумаг и внимательно посмотрел на стюардессу. Личико ее было до того очаровательным, что он, любуясь ею, не сразу ответил.

– Пожалуй, – наконец сказал «профессор» и сгреб бумаги со столика.

– Тогда, пожалуйста, посмотрите меню, – еще более любезно улыбнулась стюардесса, протягивая ему яркую глянцевою картонку.

«Профессор» пробежал глазами текст. В меню мелькали названия: «устрицы», «икра», «морские гребешки»... «Профессор» подумал и отдал картонку обратно:

– Принесите что-нибудь мясное. И без этих морских деликатесов.

Стюардесса, все так же ослепительно улыбаясь, кивнула и прошествовала по салону. Казалось, у нее просто не существует другого выражения лица.

«И когда ее положат в могилу, она будет все так же улыбаться», – вдруг пришло в голову «профессору». Он уже было начал представлять себе гроб, в котором в обрамлении белых и красных цветов лежит улыбающаяся стюардесса – в форменной одежде, фетровой шапочке-таблетке и даже с меню в руках.

«Нет, — оборвал он свои мысли, — тебе, во всяком случае, увидеть это случай не представится. Ты умрешь первым. Сначала ты, а потом уж она. И вообще что за стивенкинговщина!»

И когда стюардесса пришла во второй раз, везя за собой тележку с обедами на пластмассовых подносах, он даже не поднял головы. Молча взял поднос и приступил к еде.

Эдик Кипарис родился ровно пятьдесят пять лет назад, в тревожном сорок третьем году. Рождение ребенка во время войны, даже в более или менее спокойной Москве, — просто безумие. Это понимали все, и в том числе мать Эдика, Софья Николаевна Кипарис. Но до того ли было, когда Владимир Кипарис, будущий отец Эдика, гвардии капитан танковых войск, пропахший порохом, увешанный боевыми наградами, получил краткосрочный отпуск домой, как сказано было в отпускном удостоверении «за проявленное мужество и в связи с присвоением очередного воинского звания». Через неделю гвардии капитан уехал, а Софья Николаевна соответственно осталась. И через девять месяцев родила сына. Несмотря на советы подруг, соседей, врачей и даже упра-
дома.

Софья Николаевна назвала сына Эдуардом. По профессии она была врачом-эпидемиологом, и Эдуард Дженнер, первый человек, который стал делать прививки против оспы, был ее кумиром с институтских лет. Когда в загсе подозрительно глянули на Софью Николаевну (не надо забывать, что время

было военное и всякое упоминание иностранных имен казалось подозрительным), она пролепетала что-то о прадедушке, в честь которого и называет сына.

Маленький Эдик рос капризным и эгоистичным ребенком. То ли мать, старательно оберегая его в военные годы от рахита и авитаминоза, слишком много внимания уделяла его маленькой персоне, то ли безотцовщина сделала его таким (гвардии капитан Кипарис погиб смертью храбрых при взятии Будапешта) – неизвестно. Однако Эдик сизмальства думал только о себе, замечал только себя и заботился только о своей персоне. Такой уж был у него характер.

В раннем детстве ему все сходило с рук – съеденные без спросу варенье и сгущенка, испорченная мебель, разбитые стекла и исцарапанная мебель. Эдик брал то, что ему было нужно, ни у кого ни спрашивая. Когда же он пошел в школу, все изменилось.

Как– то он потерял ручку и, недолго думая, залез в портфель соседа по парте, вынул черную ручку и стал преспокойно писать. С его точки зрения все было правильно: ему, Эдику, нужна была вещь и он ее взял. Какая разница – откуда? Однако когда его сильно отлупили за воровство, Эдик задумался. И понял, что брать нужно тихо и незаметно, а лучше чтобы тот, у кого берешь, воспринимал это как должное.

Эдик рос, он окончил школу и поступил в институт – конечно, медицинский. Пошел, так сказать, по стопам матери. Хотя Эдик был способным мальчиком, почти отличником,

в сущности, он не проявлял никакого интереса к этой профессии. Но у Софьи Николаевны были кое-какие знакомые, и Эдика удалось записать в институт.

Шел шестидесятый год. Три года назад прошел Всемирный фестиваль, и московская молодежь, пощупав и примерив добротные заграничные вещи, выменянные у иностранцев на матрешки и водку, уже не желала одеваться и вообще жить, как родители, воспитанные суровой сталинской эпохой. Когда Эдик попал в Первый мединститут на Пироговке, он поначалу решил, что оказался где-то за границей. По коридорам, взявшись за руки, фланировали девушки, одетые как Одри Хепберн. Проходили парни в пиджаках с широкими плечами, узких брюках-дудочках и узких галстуках. Ухо Эдика улавливало непонятные слова – «фирма», «штатский», «чува», «хилить»... Конечно, в институте было гораздо больше студентов, одетых в обычное советское тряпье. Но для Эдика, только и видевшего в своей несчастной жизни что убогую комнату в коммуналке, телевизор «КВН» с большой водяной линзой у зажиточных соседей, да «Тарзана» в кино-театре «Ударник», впечатление было полным. Эдик опустил украдкой глаза на свой наряд и увидел потертые брюки фабрики «Большевичка», клетчатую рубашку-ковбойку с аккуратно зашитой дыркой на рукаве и грубые скороходовские ботинки из ЦУМа. Сравнение было явно не в его пользу...

Эдик понял, что у него всего два выхода. Можно было не обращать внимания на «иностранцев», засесть за учебу,

стать через шесть лет высококлассным специалистом и тогда уже начать бороться с нищетой. Второй выход казался более привлекательным – завести дружбу с прикинутыми студентами и выяснить, как им удастся иметь все это. И по возможности, заняться тем же. Ведь не у всех же, черт возьми, родители дипломаты, внешторговские работники или академики! Эдик так и поступил.

Первой его жертвой оказался Воха Соловьев – вальяжный молодой человек с затуманенным взором – он словно постоянно решал в голове какие-то сложные проблемы. Эдик предположил, что эти проблемы никак не касаются медицинской науки. И оказался прав.

Эдик подошел к Вохе и сказал:

– У меня есть для вас что-то интересное. Не хотите посмотреть?

Воха с трудом отвлекся от своих мыслей и сфокусировал взгляд на Эдике. Вернее, на его брюках фабрики «Большевичка», ковбойке и башмаках. На лице Вохи отразилось удивление, переходящее в высокомерное раздражение.

Эдик не смутился. Он понимающе кивнул:

– На практике был. На овощебазе. Пришлось одеться в старье.

Объяснение вроде бы удовлетворило Воху. Выражение его лица сменилось на вопросительное.

– Посмотрите, – произнес Эдик, расстегивая потрескавшиеся никелированные замочки старенького портфеля.

Это были запонки. Замечательные позолоченные запонки с гранатовыми глазками и тонкой резьбой. Они отличались скромным благородством и нестареющей роскошью. Заметим, что эти запонки были едва ли не единственной ценной вещью, оставшейся в доме Кипариса, не выменянной на масло и не потерянной во время эвакуации. Запонки остались от отца. Эдик ничего не сказал матери. Он шел ва-банк.

Увидев запонки, Воха вытянул свои длинные суставчатые пальцы и попытался схватить вещьцу. Глаза его горели нездоровым огнем.

– Хорошая вещь, – говорил он при этом.

Эдик, однако, отвел ладонь с запонками в сторону. Вохины пальцы схватили воздух.

– Сколько? – заинтересованно спросил Воха.

– Обмен, – ответил Эдик, – мне нужно кое-что из одежды.

Воха зачарованно кивнул...

Процесс приобретения хороших шмоток был тогда весьма длительным и сложным. Он требовал множества телефонных звонков, встреч на улицах с последующими хождениями по странным, незнакомым квартирам, примерок с заглядываниями в зеркала шифоньеров и долгих переговоров. Эдику все это было в новинку, и он с удовольствием погрузился в незнакомую доселе жизнь. Между делом, конечно, он достиг своей цели – поближе познакомился с Вохой и его приятелями. Эдик постиг смысл новых слов, среди которых самым главным ему показалось «фарца».

Конечно, Эдик не ошибся. Далеко не все ребята в широкоплечих пиджаках были детьми внешторговых работников и дипломатов. Те в большинстве своем учились в других заведениях. А здесь почти всем приходилось рассчитывать на собственные силы.

Итак, теперь у Эдика был замечательный английский твидовый пиджак и узкие до невозможности брюки. Рубашка сюда полагалась обыкновенная, белая. Правда, чтобы приобрести еще и обувь, запонки не хватило, но Эдик выпросил у матери деньги, заказал у сапожника-татарина модельные штиблеты и решил, что на первое время этого будет достаточно.

И этого действительно оказалось достаточно. Эдик, пользуясь врожденной коммуникабельностью, завязал полезные знакомства, раздобыл денег и вошел в дело. Через некоторое время упорных трудов, беготни с чемоданами по городу, бесчисленного количества звонков и даже одного столкновения с милицией, закончившегося ночным кроссом по переулкам и подворотням, спустя примерно месяца полтора он получил первый доход. И, надо отдать ему должное, первым делом выкупил у Вохи запонки, заплатив двойную цену. Несмотря на свой врожденный эгоизм, мать Кипарис любил и огорчать ее не хотел.

Вскоре Эдик с полным правом рассекал воздух институтских коридоров плечами своего пиджака и совершенно не замечал обычных студентов. У него даже появилась девушка

– одна из тех, что были похожи на Одри Хепберн.

В фарцовочном бизнесе, впрочем как и в любом другом экстремальном деле, натура человека высвечивается сразу, ясно и понятно, как в рентгеновском аппарате. Будь ты хоть трижды прикинут в штатовское барахло, куришь «Мальборо» и разговариваешь с ленивым, растягивающим гласные прононсом, ты можешь остаться на вторых ролях. Но если ты по жизни первый, то ты станешь первым и здесь – можешь не сомневаться.

Эдик Кипарис был из первых. Поэтому ему и понадобился всего лишь маленький толчок (фирменный пиджак, заграничные брюки), чтобы занять свою, назначенную ему, кажется еще с рождения, ячейку.

Фарцовка, скрытая от непосвященных глаз и по возможности от правоохранительных органов, имела в те годы большую разветвленную структуру. За каждой фирменной шмоткой, будь то яркий галстук, джинсы, пиджак или ботинки, стоял сложный, полный риска и многочисленных опасностей труд многих людей. За каждой вещью, купленной простым советским человеком у тщательно законспирированного спекулянта, стояла своя история, а часто и не одна. О вещах можно было писать легенды, почти как об уникальных алмазах. Может быть, именно этим, помимо высокой цены, объяснялось то благоговейное отношение, которое питали жители необъятного СССР к купленным у фарцовщиков вещам. Их бережно носили, перелицовывали со време-

нем, чистили, сдували каждую пылинку. Были изобретены, например, десятки способов, как укрепить расползающуюся от старости ткань джинсов.

Кипарис с изумлением постигал строгую и сложную науку фарцовки. Вначале товар должен был попасть в пределы родного отечества. В ту пору единственным реальным источником были иностранные туристы. Редкие сограждане, радостно пересекающие границу с тридцатью долларами в кармане, не в счет. А те несколько рубашек, галстуков, пар обуви, что лежали в чемоданах капиталистов, приехавших поглазеть на собор Василия Блаженного, непременно должны были остаться в объемистых сумках бойких мальчишек – низшего звена системы фарцовки. Вещи меняли на все что угодно – на матрешки, балалайки, палехские и федоскинские расписные шкатулки, на водку и баночки с драгоценным в глазах иностранцев «кавиаром», то бишь черной икрой. Капиталисты очумевали от такого, по их мнению, неравноценного обмена и увозили с собой чемоданы, набитые экзотикой, дивясь щедрости и душевной широте русского народа. Часто особо жадные туристы снимали с себя буквально последнее. На этот случай у мальчишек были припасены дешевые тренировочные костюмы, кеды и солдатские галифе. Так что иногда у трапа самолета иностранцы напоминали солдат дисциплинарного батальона.

Мальчики кучковались в местах скопления иностранцев – у гостиниц, достопримечательностей, на Красной площади.

Выменянные вещи они сдавали старшему. Тот относил их на специальную законспирированную квартиру, где шмотки сортировались, приводились в порядок, если надо, подвергались химчистке. Иногда их даже упаковывали в пакеты. Затем вещи попадали к распространителям – тем самым «спекулянтам», которых клеймили в журнале «Крокодил» и на комсомольских собраниях. У тех была налаженная система сбыта. Конечным звеном этой цепочки был обычный советский человек, выкладывающий за завалящую шмотку большую часть своей нищенской зарплаты. Выгода была огромной. Вложенные деньги увеличивались в десятки раз.

Наблюдая за работой этой четко отлаженной системы, Кипарис поначалу никак не мог понять, в чьи руки попадает основной барыш. В том, что где-то, на самой верхушке пирамиды, есть кто-то, который и создал ее, Эдик не сомневался. Также не сомневался он, что это должен быть человек незаурядный.

Эдик не собирался всю жизнь заниматься торговлей тряпьем. Ему хотелось посмотреть на этого гения. Может быть, поговорить с ним. И может быть, понять, как и почему люди в самых, казалось бы, неподходящих условиях добиваются своего. Он тоже хотел так...

Кипарис начал потихоньку выпрашивать, где находится этот самый главный, «начальник фарцовки». Конечно, это оказалось делом непростым. Воха на его осторожный вопрос только лениво пожал плечами и усмехнулся. Другие отмал-

чивались или переводили разговор на иную тему.

Однако не таков был Эдик, чтобы запросто отказаться от затеи. Тем более он спинным мозгом чувствовал, что это не просто так, не спортивный интерес. Это должен быть некий поворотный момент в его жизни. Так и получилось.

Путь, который прошел Эдик, сделал бы честь Штирлицу. Тайны бизнеса охранялись ничуть не менее строго, чем секреты рейхсканцелярии. Дойти до главного было, пожалуй, труднее, чем проникнуть в бункер Гитлера. Но Эдик сделал это.

В один прекрасный день он надел свой лучший костюм, повязал лучший галстук и надел лучшие туфли. Затем вышел из дома, сел в такси и доехал до гостиницы «Советской». Там, на углу, в условленном месте его ждали. Кеша, сутулый астматик в замечательной велюровой куртке, был одним из тех, кто сортировал вещи на квартире. За организацию этого визита Эдик выложил ему немалую цену – как деньгами, так и разнообразными услугами. Однако впоследствии он ни разу не пожалел об этом...

В гостинице они прошли мимо входа в ресторан и оказались у неприметной дверцы, крашенной, как в больнице, белой масляной краской. За дверью оказался еще один, небольшой уютный зал со столиками. Эдакий маленький ресторанчик для своих.

За длинным, составленным из нескольких столом сидела большая компания. Хорошо одетые люди (Эдику даже по-

казалось, что некоторые из вещей на их плечах прошли через его руки) пили водку и коньяк, закусывали шашлычками, икоркой и нежнейшей семужкой.

Кеша прошептал на ухо:

– Вон. Который в серединке. В клетчатой рубашке.

Эдик посмотрел в указанном направлении и несколько удивился. Нет, не так он представлял себе Яшу Островского, а именно так звали главного. В точно такой же ковбойке, в какую был одет сам Эдик, когда подошел к вальяжному Вохе. Эдику даже показалось, что он заметил аккуратно заштопанную дырку на рукаве. Яша скромно сидел, поглядывал на разодетую компанию и время от времени вступал в разговор. В эти моменты присутствующие почтительно замолкали, чтобы не пропустить ни одного слова, исходящего из уст шефа.

Кеша подтолкнул Эдика к столу, и они устроились с краю. Эдик смотрел во все глаза.

Несмотря на старую ковбойку, Яша был настоящий шеф. Это чувствовалось во всем – в интонациях речи, в манере курить, в повороте головы, во взгляде. Яша Островский смотрел как бы сквозь человека. Он как будто видел скрытую от чужих глаз ауру, видел насквозь, и, конечно, сразу определял цену этому человеку. Это был верховный жрец, обладающий сверхъестественными способностями и знающий много из того, чего не знали другие.

Через несколько минут Яша встал и, ни слова не говоря,

вышел. Больше Эдик его никогда не видел. Но этих нескольких минут было достаточно.

Кипарис понял, что способности, которыми обладает Яша, действительно лежат в иной плоскости, чем он думал раньше. Шеф умел сделать так, что люди, которые работали на него, были рады от осознания самого этого факта. И убедить в том, что только он умеет делать то, на что никто другой не способен. Что именно – это уже другой вопрос.

Короче говоря, это был Шеф с большой буквы.

Эдик понял, что суетная беготня с чемоданами не для него. Он решил последовать примеру Яши Островского и тоже заставить людей работать на себя. И чтобы при этом они оставались довольны. Тем более что по натуре Кипарис был из первых...

Доев обед, «профессор» передвинулся на соседнее кресло и опять разложил свои бумаги. Если бы он не делал этого, а глянул, к примеру, в иллюминатор, то увидел бы, что вместо бескрайнего поля облаков за ним простираются такие же бескрайние ландшафты России. Неровные лоскуты полей всех оттенков зеленого и желтого, огромные пятна лесов, кляксы озер и прудов, поблескивающие серебряной чешуей змейки рек. Российский ландшафт легко узнать. Это не Европа с ее удельной теснотой и не Америка с научно продуманной планировкой. Здесь сохранилось необузданное буйство природы, не изгаженное человеком.

«Профессор», однако, был занят своими бумажками. Он

не поднял головы даже тогда, когда объявили, что самолет приближается к московскому аэропорту Шереметьево.

Строгий таможенник открыл темно-синий паспорт с золотым гербом Соединенных Штатов Америки. Посмотрел фотографию, профессиональным движением сравнил с ней стоящего за стеклом человека в очках и вельветовом пиджаке с замшевыми заплатами на локтях.

– Кипарис? – спросил он.

– Да, – ответил «профессор».

– Эдуард Владимирович?

Тот снова кивнул.

– Добро пожаловать в Россию!

Мы проваландались в гостинице еще минут сорок. Но ничего так и не обнаружили. В общем-то я и не надеялся что-то найти – самое главное, оружие преступления у нас в руках. Но, как это ни парадоксально, его наличие лишь усложняло задачу. Как бы то ни было, винтовка была отправлена на экспертизу, и когда будут готовы ее результаты-одному Аллаху известно. Может быть, Грязнову удастся воздействовать на Экспертно-криминалистическое управление ГУВД – все-таки не кого-то убили, а самого генерала Филимонова. Хотя, между нами говоря, я считаю, что убийство есть убийство. И на холодном столе морга все равны. Что генерал, что Президент, что дворник...

Впрочем, судя по озабоченным лицам важных шишек, которые продолжали стоять кружком у здания Госдумы, они

придерживались другого мнения. Меркулов пошел докладывать генеральному о предварительных итогах следствия. Судя по вытянувшемуся лицу шефа, он остался недоволен. А чего он хотел? Чтобы убийца сидел на месте, поджидая, пока его схватят? Осознал, мол, свою ошибку, и теперь с радостью и с пониманием глубокой вины за содеянное, отдаюсь в руки правосудия. Так, что ли? Нет, хоть он и генеральный прокурор, и давно уже бесконечно далек от оперативной работы, должен знать, что, как бы этого ни хотелось, такие преступления по горячим следам не раскрываются. Просто в силу того, что к ним готовятся очень тщательно...

Да, тщательно... И ежу понятно, что чем тщательнее подготовлено преступление, тем его сложнее раскрыть. Такая вот детсадовская аксиома. Тем не менее раскрывать преступление надо. И у меня большие подозрения, что заниматься этим неблагодарным делом придется не кому иному, как вашему покорному слуге.

Почему неблагодарным? Да просто потому, что...

Меркулов поманил меня пальцем, прервав ход этих безрадостных рассуждений.

– Здравствуйте, Александр Борисович. – Генеральный прокурор смотрел на меня строго, но доброжелательно. Хотя я заметил, что его по-прежнему несколько шокировал мой смокинг.

Что ж, в такой ситуации начальник может, даже должен, проявить доброжелательность. Я вспомнил стеклянные

взгляды генерального, когда мы сталкивались в коридорах прокуратуры, его безуспешные попытки вспомнить, кто я такой, и внутренне усмехнулся.

– Александр Борисович, – продолжал он, – это дело поручается вам. Мы надеемся, что...

Продолжать дальше не имеет смысла. Это такая словесная вязь, свойственная большим начальникам, призванная побудить подчиненного к активным действиям и призвать его свернуть горы, чтобы заслужить похвалу вышеуказанного начальника.

Я, конечно, кивнул.

– Так что принимайте дело к своему производству, – закончил генеральный.

Тело генерала Филимонова уже увезли, и присутствующие постепенно расходились. Я глянул на часы – половина одиннадцатого.

– Завтра в девять – у меня, – сказал Меркулов. – Слава, и тебя я тоже попрошу быть.

– Естественно, – ответил Грязнов.

– Чувствую, намечается большое оперативное совещание, – заметил я.

Меркулов кивнул:

– Угадал. И имейте в виду, там будут почти все, кто сегодня был здесь. Так что просьба не опаздывать.

– Форма одежды парадная? – иронично поинтересовался я.

– Можно без смокингов, – нашелся Меркулов.

Когда я вернулся домой, Ирина сидела на кухне и преспокойно попивала чаек. На ее лице блуждала довольная улыбка.

– Ну как концерт? – спросил я.

– Изумительно! – с энтузиазмом ответила она.

Наскоро прожевав бутерброд с сыром, я отправился спать.

Ирина не спросила, как у меня дела. Это, честно говоря, меня несколько задело. Хотя могу ли я от нее требовать искреннего интереса к моим делам? Если вдуматься, что я ей мог рассказать? За столько лет она привыкла к трупам, ограблениям и всякой гадости, в которой копается ее муж.

А я вот никак привыкнуть не могу. Может быть, поэтому я еще не бросил эту собачью работу к чертовой матери?

На следующее утро, ровно в девять, я как штык был в прокуратуре. Вы, наверное, думаете, что, открыв дверь кабинета Меркулова, я застал там весь цвет наших правоохранительных органов? Ничуть не бывало. Меркулов сидел в полном одиночестве и нервно постукивал карандашом о полировку стола.

– Неужели я опоздал! – деланно удивился я. – Что, все уже разошлись?

Меркулов хмуро посмотрел на меня:

– Никого еще нет.

– Подождем?

– Подождем...

Спустя четверть часа я не выдержал:

– Костя, время дорого. Давай начнем без них.

– Как это?! – Меркулов посмотрел на меня будто на святотатца.

– А что? Первый раз, что ли? Я наизусть знаю, что они скажут. Вначале будут минут сорок ужасаться, какой это кошмар – убийство генерала Филимонова. Сетовать на разгул преступности. Потом примут решение создать оперативно-следственную группу. Так?

– Ну, скорее всего, так и будет, – протянул Меркулов.

– Вот. А потом все с облегчением разойдутся. Теперь голова будет болеть у оперативно-следственной группы. Будет кого ругать за волокиту, кому устраивать выволочки, ставить на вид... Правильно?

Меркулов засопел, но согласно кивнул.

– Я могу даже перечислить всех, кто войдет в эту группу, – продолжал я.

– И кто же? – поинтересовался Костя.

– Ты, – ткнул я пальцем в его сторону, – в качестве руководителя группы. Это раз.

– Почему я?

– Потому, – объяснил я, – что никто из наших первачей не рискнет лично возглавить следствие. А вдруг неудача? Прокор? А вдруг то? А вдруг се?хлопот не оберешься. И за кресло боязно. Они, конечно, возьмут дело под личный контроль – это они любят. С другой стороны, руководите-

лем должен быть не самый последний человек в прокуратуре. Значит, ты.

– Спасибо, – вставил Меркулов.

– Пожалуйста. Далее, я, как следователь, ведущий дело, – это два. Грязнов – три. Пара-тройка подручных от нас и из МУРа – четыре. Ну, может быть, подкинут человечка из ФСБ – это уже пять. Вот и все.

– Как у тебя быстро все получается, – покачал головой Меркулов.

– А чего тут думать? – пожал плечами я. – Через все это мы проходили много раз. Так?

Меркулов неопределенно хмыкнул.

Все получилось в точности так, как я сказал. Приглашенные на совещание явились лишь через полтора часа. Итогом совещания стала организация оперативно-следственной группы во главе с Константином Дмитриевичем Меркуловым.

...Когда все разошлись, мы с Грязновым и Меркуловым остались в кабинете.

– Так, – начал Костя на правах главного, – какие будут соображения?

– Хорошо, что они ушли... – задумчиво произнес я.

– Это единственное твоё соображение? – строго спросил Меркулов.

– Пока да. Но через пять минут, когда я сниму с ушей всю ту лапшу, что они мне навешали, возможно, появятся

какие-то мысли.

– Ну что ж, подождем. – Меркулов отвернулся от меня и, обратился к Грязнову: – Слава, ты уже решил, кого из твоего ведомства мы введем в состав нашей группы?

– Ну, – начал Грязнов, – во-первых, если ты не возражаешь, я сам войду в нее.

– Можешь быть спокоен. Как-нибудь по благу это устроим, – вмешался я, – конечно, за соответствующее вознаграждение, сам понимаешь...

Они посмотрели на меня как на сумасшедшего.

– А что, Костя, – продолжал дурачиться я, – бутылочка коньяка нам не помешает. А то можно вообще объявить конкурс на места в нашей бригаде. Представляешь, сколько народу набежит?

Меркулов хлопнул ладонью по столу:

– Хватит, Турецкий! Ты создаешь нерабочую обстановку!

– Ага! – обрадовался я. – Может, мне вообще уйти? Я с удовольствием выйду из состава группы. Уступлю, так сказать, место кому-нибудь более перспективному. Кто не мешает работать. Я могу идти?

Меркулов только тяжело вздохнул:

– И как я только тебя терплю столько лет?...

– Ну ладно, братья-кролики, – вступил в разговор Грязнов, – я думаю, двух оперативников из МУРа кроме меня пока хватит, а там посмотрим. Турецкому в подмогу кого-нибудь из следователей надо...

– Вот именно, – пробурчал Меркулов, – и чтобы присматривали за ним. А то он совсем разболтался.

– Есть у меня один многообещающий работник, – отозвался Грязнов. При этом вид у него был хитроватый. Что бы это значило?

– Короче, так, – резюмировал Меркулов, – Турецкий сейчас пойдет в квартиру Филимонова. Саша, посмотри, что там да как. Поговори с его женой. От тебя, Слава, сейчас больше всего зависит скорость, с которой будет работать экспертно-криминалистическое управление. Нажми на них, ладно? Грязнов кивнул.

ФИЛИМОНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Биографическая справка

Родился 14 февраля 1949 года в городе Камышин Волгоградской области. В 1966 году окончил среднюю школу. В том же году поступил в Ставропольское офицерское военное училище.

В 1976 году направлен в состав Краснознаменной Кантемировской танковой дивизии. В 1977/78 году заместитель командующего. В 1979 году был направлен в состав контингента советских войск в Афганистане. Имел боевые награды. В 1982 году, в чине генерал-лейтенанта, возглавил 12-ю, а в 1986 – 7-ю армию. С 1989 года выполнял обязанности эксперта при Генеральном штабе. Принимал активное

участие в улаживании межнациональных конфликтов: в Таджикистане, Азербайджане, Грузии. Участвовал в военных действиях на территории Чеченской республики. В 1997 году, в чине генерал-полковника, приказом Верховного Главнокомандующего снят со всех должностей с формулировкой «по выслуге лет». С января 1998 года – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В 1998 году организовал общественное движение «Вера и верность». Ведет активную политическую деятельность, выступая с левоцентристских позиций, объявил о своем намерении баллотироваться в 2000 году на пост Президента Российской Федерации.

Имеет большую популярность в армии и среди населения. В социологических опросах уверенно занимает 5 – 6-ю позицию по популярности и 4 – 6-ю как возможный претендент на пост Президента.

Женат, имеет сына. Жена – Надежда Анатольевна, профессор лингвистики Московского университета.

Увлечения – бильярд, водное поло.

Да, Николай Александрович, не придется вам больше шары гонять... И в бассейне не поплавать.

Из Государственной Думы, где для меня подготовили эту справку, я отправился на квартиру Филимонова. Жил он там, где и полагается жить политику высокого ранга, но дистанцирующемуся от правящей верхушки – на Кутузовском проспекте.

Мой «жигуленок» сиротливо приткнулся во дворе огром-

ного сталинского дома среди сверкающих иномарок. Кажется, здесь не было ни одного отечественного автомобиля. Вот она где – принадлежность к классу властей предрежащих! А они еще спрашивают, откуда берутся революционеры! Вот так посмотришь на всю эту роскошь, и волей-неволей в голову ползут разные мысли.

Машин было действительно много. Наверняка это соратники по партии приехали проститься со своим лидером. Хотя тело сейчас в морге и патологоанатомы еще не закончили с ним работать.

Я нажал кнопку домофона.

– Кто там? – донеслось из динамика.

– Следователь Генпрокуратуры Турецкий, – ответил я.

После недолгой паузы тот же голос спросил:

– По какому делу?

Интересно. У них что, есть другие поводы для прихода следователя? Хотя кто его знает...

– Я расследую причины вчерашнего убийства.

Опять молчание.

– Зайдите попозже, – наконец услышал я.

Ну ничего себе!

– Послушайте, – я старался говорить как можно спокойнее, – мне надо немедленно поговорить с вдовой генерала Филимонова. От этого зависит скорость, с которой будет проходить расследование этого дела. И я поговорю с ней в любом случае, даже если для того, чтобы открыть эту дверь,

мне придется прибегнуть к помощи автогена. Кстати, с кем я говорю?

В динамике замолчали надолго. Я уже было решил, что они действительно не впустят меня (не резать же дверь!), как уже другой голос – низкий и уверенный – ответил:

– Следователь Турецкий?

– Да.

– Проходите.

В замке двери что-то щелкнуло, и я вошел в подъезд.

...Эх, придет ли время, когда и я стану генералом? Наверное, никогда. И никогда не будет у меня такой квартиры, как у покойного генерала Филимонова. Я на жилищные условия не очень жалуюсь, но эта квартира... Я даже приблизительно не мог представить ее размеров. По обе стороны широкого коридора было столько дверей, что не хватило бы пальцев на двух руках сосчитать их. Коридор же плавным полукругом уходил куда-то вдаль. Из комнаты в комнату шастали какие-то люди с озабоченными лицами. Первые несколько минут я не мог отделаться от мысли, что нахожусь скорее в учреждении, чем в квартире.

Наконец ко мне подошел немолодой человек с погонами подполковника.

– Это вы Турецкий? – спросил он безо всякого вступления.

Я кивнул.

– Проходите в гостиную. Надежда Анатольевна там.

И он показал мне, как пройти в гостиную. Замечу, это было не так-то просто.

Гостиная размерами была не меньше баскетбольного поля. Кстати, народу здесь находилось столько, что, если разделиться на две команды, можно было бы и сыграть. Конечно, кабы не печальный повод, собравший здесь их.

По периметру комнаты на диванах, стульях и в креслах сидели печальные женщины. Некоторые плакали. Мужчины, многие из которых были одеты в военную форму, стояли и с безучастным видом смотрели на большой стол посреди комнаты, который готовили для чаепития. Хотя нет, судя по стыдливо прятавшимся в углу бутылкам явно не с безалкогольными напитками, поминки уже почти стартовали. Длинный марафон – похороны, девять дней, сорок, годовщина – еще был впереди, и мужчины, предчувствуя обильные российские поминочные возлияния, индифферентно поглядывали на стол.

На одном из диванов сидела женщина, которая не плакала, не теребила в руках платок. Она только растерянно поглядывала по сторонам, как бы не совсем понимая, что на самом деле здесь происходит. Я сразу определил, что это и есть Надежда Филимонова – жена, а теперь вдова генерала. Уж поверьте, на своем веку я не раз видел и вдов и вдовцов, потерявших самых близких. Вдов, конечно, больше. Как это ни странно, в эти минуты, я имею в виду похороны и поминки, они, случается, хотят скрыть свои настоящие чувства, но это

получается плохо. И всегда видно человека, который равнодушен к смерти близкого или даже где-то внутри рад этому. Или который скорбит по-настоящему.

Надежда Филимонова не притворялась. Она не рыдала, не рвала на себе волосы, не голосила, она просто не могла поверить, что ее муж, еще вчера красавец генерал, удачливый политик, лежит на холодном даже в такую жару столе морга, мертвый... Я знал, что ее с утра возили в морг. Причем это было не слишком необходимо, но Филимонова настояла. Может, она хотела лишний раз убедиться, что весь этот кошмар, начавшийся вчера вечером с выстрела из окна гостиницы «Москва», – правда...

Ну что ж, может быть, для меня это даже к лучшему. Есть надежда, что она будет искренне помогать следствию.

Я не спеша подошел к Филимоновой. Она, сразу заметив незнакомого человека, подняла голову и посмотрела на меня. Кажется, даже с какой-то сумасшедшей надеждой.

– Здравствуйте, Надежда Анатольевна. Я следователь Турецкий. Я веду расследование причин убийства вашего мужа...

Конечно, я прибавил несколько ничего не значащих фраз соболезнования.

– Да, – перебила меня она, – я очень рада.

«Рада». Все-таки интеллигентному человеку никогда не изменяет выдержка. А судя по справке, которую я получил, Надежда Анатольевна была типичной интеллигенткой. Кста-

ти, у военных жены редко бывают профессорами МГУ.

– Мне нужно с вами поговорить. Я знаю, сейчас это для вас трудно, но...

– Я все понимаю. И постараюсь помочь вам максимально, – произнесла Филимонова, встала и сделала приглашающий жест по направлению к одной из боковых дверей. Я последовал за ней...

Надя Рождественская с раннего детства не имела никаких проблем – конечно, до определенного времени. Отец, скрипач с мировым именем, привозил из частых зарубежных турне вещи и игрушки, которые не могли присниться ее подружкам даже в самых волшебных снах. Мать, известная переводчица, выучила ее несколькими языками, что в Советском Союзе сразу ставило человека на несколько ступеней выше остальных, безъязыких сограждан. Кроме того, природа не обидела Надю внешностью – прохожие на улице оборачивались, восхищаясь ее золотыми кудрями, огромными глазами василькового цвета, безупречной осанкой и чарующей улыбкой.

Казалось бы, зависть менее удачливых сверстников, перерастающая в тихую ненависть, была Наде обеспечена. Но каким-то чудесным образом ей удавалось ладить со всеми. Даже самое заскорузлое сердце могла размягчить ее улыбка. Кроме того, своими игрушками Надя всегда делилась, ее вещи носили по очереди все подруги, а в школе, во время контрольных по английскому, у нее списывал весь класс. Надя

не могла никому отказать в помощи. Это было не в ее характере. Ничего не поделаешь – так ее воспитали родители.

Супруги Рождественские только радовались, когда видели, что у их дочери нет и намека на жадность. Это, считали они, признак действительно интеллигентного человека. Надя воспитывалась на книжных идеалах и, надо сказать, выросла такой, какой ожидали ее видеть родители – искренней, бескорыстной и доброй.

Итак, Надя росла. Отец играл на скрипке каприсы Паганини, мать переводила Стейнбека и Франсуа Вийона, и все шло очень хорошо. До тех пор, пока не случилось то, что рано или поздно происходит в жизни каждого, – Надя влюбилась.

Сердцу не прикажешь, – эту истину вполне признавали родители Нади. И в принципе они были готовы принять любой выбор своей дочери. Но... все имеет свои границы. И это они осознали, когда Надя впервые привела в дом своего избранника.

Женихом оказался худой человек лет сорока, с блестящей лысиной, сеткой морщин под глазами и постоянно полуприкрытыми веками. Когда Паша (так его звали) заговорил, то изумленным взорам Надиных родителей открылась беззубая верхняя челюсть, посередине которой одиноко торчал изогнутый металлический штырь – жалкий остаток моста.

Однако на все тактичные замечания родителей Надя отвечала одним: «Я его люблю». И возразить на это было нечем.

Через полгода сыграли свадьбу.

Нет смысла пересказывать все эмоции родителей, когда выяснилось, например, что Паша оказался наркоманом с многолетним стажем, что все деньги, которые он зарабатывал в своем НИИ биотехнологий, немедленно тратились на «дурь», что все свадебные подарки ушли туда же... История оказалась банальной. Небанальным стал конец...

Но все по порядку.

Через год Надя родила. Сын оказался на удивление здоровым и крепким. Втайне Надя надеялась, что рождение ребенка как-то образумит Пашу. Ей, конечно, уже до смерти надоели шумные компании в их маленькой однокомнатной квартирке, эмалированные плошки с черным вонючим варевом, использованные шприцы, невыветривающийся запах анаши на кухне. Сама она не собиралась пробовать наркотики и до сих пор удивлялась, как это ее любимый не может обойтись без них. Но, полагала она, каждый человек должен делать то, что считает нужным. Она любила мужа, и все остальное было неважно.

Однако со временем даже ангельский характер Нади не выдержал. До тех пор пока все художества Паши касались лично ее, все было ничего. С большим трудом дающиеся занятия в МГУ, беспокойная дремота на первых двухчасовках после бессонных ночей – это она еще могла вынести. Но когда от выходок отца стал страдать маленький Павел (сына называли в честь отца), она начала возмущаться. Паша пона-

чалу не обращал внимания на просьбы жены образумиться, потом стал злиться и жаловаться друзьям на скандалистку жену. Те, конечно, понимающе кивали, грея алюминиевые ложки на пламени свечи.

Все закончилось скоро и закономерным образом. Как-то Надя пошла за продуктами. Ее не было всего три часа. Когда она вернулась домой, ее поразила необычная тишина.

Войдя в комнату, она застала знакомую картину – Паша валялся на диване, двое приятелей дремали в креслах. Маленький Паша тоже не подавал голоса. Надя подошла к кровати и обомлела. Сын сжимал в ручонках грязную эмалированную плошку с остатками приготовленной наркоты. Черная капля стекала из угла рта ребенка.

Скорее всего, он захотел пить, дотянулся до стоящей на столе плошки и выпил ядовитую гадость. Для его организма доза оказалась смертельной. Надин сын был мертв...

Надя не зарыдала, не заголосила и не стала рвать на себе волосы. Она пошла на кухню. Там открыла все вентили газовой плиты, потом зажгла в комнате свечку, вышла из квартиры с тельцем ребенка и заперла дверь на все замки.

Надя действовала автоматически, подчиняясь первобытному материнскому инстинкту, по которому убийца твоего ребенка должен умереть от твоих рук.

Газеты потом много писали об этом страшном взрыве. От ударной волны обвалился целый подъезд дома. Кроме Паши и его дружков погибло пять человек. Да, гнев матери, мстя-

щей за своего ребенка, бывает страшен...

В информационных сообщениях потом сообщали еще и о пропавших без вести. Среди них называлась Надежда Рождественская.

Надя не пошла к родителям. Почему она не вернулась домой? На этот вопрос она не могла ответить никогда. Повинуясь какому-то животному страху, она с мертвым ребенком на руках поехала на их дачу в Аксиньино, закопала трупик в неприметном углу участка. Затем сняла с книжки свои сбережения, купила билет в Тарту (там у нее была подруга) и в тот же день уехала.

Пассажир поезда, как бы он ни хотел остаться один, всегда находится на людях. В купе четыре человека, в тамбуре постоянно находятся сменяющие друг друга курильщики, туалет надолго не займешь... А Наде так хотелось побыть одной.

Наверное, она, производя какие-то необъяснимые на первый взгляд вещи, все-таки находилась под покровительством высших сил. Ведь если бы она осталась одна в Москве, неизвестно что могло произойти, какие отчаянные мысли пришли бы в ее голову. Она села в поезд, где ненадолго, на время пути, люди становятся немного более участливыми и отзывчивыми. А именно участие ей было нужно сейчас.

Колеса постукивали по рельсам, проводник уже второй раз обносил вагон чаем в тяжелых подстаканниках. Надя сидела возле окна и невидящими глазами следила за мелька-

ющими за мутным стеклом редкими огоньками. Чай давно остыл, она к нему даже не притронулась. Кроме Нади в купе находилась влюбленная парочка, занятая исключительно друг другом, и военный. В звездочках на погонах Надя не разбиралась, да и не до того ей было. Хотя и отметила где-то внутри, совершенно неосознанно, волевой подбородок, широкие скулы, добрые серые глаза и низкий, привыкший командовать голос.

Военный задал несколько вопросов, обычно служащих для завязывания беседы. Надя отвечала односложно и снова смотрела в окно. Военный оставил попытки познакомиться и молча пил чай. Пил и время от времени поглядывал на Надю.

...Она долго не могла уснуть. Постукивание колес, обычно так быстро убаюкивающее, на этот раз не действовало. Надя лежала с открытыми глазами, и в светлых полосах, проходящим по стенам тесного купе, ей чудились маленький Паша и большой Паша. Маленькое безжизненное тельце и валяющаяся на диване фигура. Они были похожи... Потом их место заняли страшные фигуры неизвестных существ, темных чудовищ и хвостатых уродов. Был момент, когда крик испуга, уже готовый вырваться изо рта, она буквально на лету поймала и затолкала обратно, сохранив тем самым спокойный сон соседей.

И в этой кошмарной полудреме в ее мозгу вдруг ясно и отчетливо возникла мысль – ее жизнь сегодня потеряла всякий

смысл, и чем раньше она прекратится, тем лучше. Мысль набирала объем и постепенно из декларации она превращалась в призыв к действию, а потом и в приказ. Надя уже не могла сопротивляться, она тихо встала, сунула ноги в туфли, отодвинула дверь купе и выскользнула наружу.

План стоял у нее перед глазами, как будто был по пунктам продиктован ей кем-то услужливым и заботливым. Ей так и казалось – незнакомый, но доверительный голос нашептывает на ухо. Встань. Выйди в коридор. Теперь иди направо. Именно направо. Одна дверь, вторая. Теперь ты в тамбуре. Здесь никого. Теперь нажми на ручку левой двери. Нажми и сильно потяни на себя...

Поток холодного воздуха ударил Наде в лицо. У нее почти перехватило дыхание, а между тем ласковый голос шептал: «Прыгай, прыгай, там будет хорошо и спокойно».

Она подошла к краю металлической ступени, взялась за холодные ручки по сторонам двери, сильно оттолкнулась и...

Сначала ей показалось, что она зацепилась за что-то воротником рубашки. Горло больно сдавило. Оторвалась и отлетела пуговица. Потом она почувствовала чьи-то руки, держащие ее за воротник и талию. Надя обернулась и увидела своего соседа-военного, который казалось, должен был спокойно спать в купе.

– Не надо, – тихо проговорил он. Его голос прозвучал как будто с другого конца света. Хотя, может быть, виной тому был шум колес, рвущийся из распахнутой двери вагона.

Надя посмотрела в его добрые глаза и вдруг поняла, какую несусветную глупость могла совершить только что. Комок подкатил к горлу, слезы брызнули из глаз, и она потеряла сознание...

Через полгода они поженились. Надя взяла фамилию мужа – Филимонова. Она была счастлива – не каждой выпадает счастье выйти замуж за генерала, да еще за того, который спас твою жизнь. Николай оказался настоящим мужчиной – таким, какие встречаются крайне редко. Он был смел, даже бесстрашен, силен, умен, бескомпромиссен, красив... Надя могла перечислять его достоинства очень долго. Их хватило бы на целую армию.

Надо сказать, Николай спас Надю еще раз – когда они вернулись в Москву после недели, проведенной в Тарту (Филимонов ехал туда развеяться – к старому другу), их встретила заплаканная мать и встревоженный отец. Следовательно, расследующий причины взрыва, начал подозревать пропавшую без вести, а потом неожиданно объявившуюся Надю. Николай уже знал все подробности того страшного дня и, не мешкая, сам пошел к следователю. Те несколько часов, что его не было, мать беспрерывно пила валидол, а отец, безуспешно пытаясь репетировать, порвал немало струн на своей скрипке. Надя же почти не волновалась. Она была уверена, что теперь, после того как ее защитником стал генерал Филимонов, с ней не может случиться ничего плохого. Просто не может – и все.

О чем говорил он со следователем, так и не узнал никто. Но подозрения в отношении Нади отпали. И в институте ничего не узнали – Надя окончила МГУ с красным дипломом и сразу же поступила в аспирантуру.

Это было ровно восемь лет назад. С тех пор Наде довелось немало поволноваться, когда, например, через неделю после свадьбы Коля отправился в Баку – улаживать нарождающийся кровавый конфликт. Потом были другие «горячие точки», счет которым Надя потеряла. Тяжелее всего было пережить бесконечно тянущуюся чеченскую войну. Но к счастью, со всех войн генерал Филимонов, целый и невредимый, возвращался домой. Правда, год назад Николай вернулся домой мрачнее тучи. В этот день был выпущен указ президента об увольнении его со всех должностей с нелепой формулировкой «по выслуге лет». Видимо, в канцелярии Президента не удосужились посмотреть на дату его рождения и придумать что-нибудь более правдоподобное...

Но генерал Филимонов не слишком горевал. У него уже появились другие планы...

– А кто первый предложил ему заняться политикой? – спросил я, прерывая поток воспоминаний Надежды Анатольевны.

Она тронула пальцами виски (я уже обратил внимание на этот ее постоянный жест) и, подумав, ответила:

– Я даже не могу ответить определенно. Просто откуда ни возьмись появилось множество каких-то незнакомых рань-

ше людей. Коля был очень общительным человеком, и, мне кажется, этим многие пользовались. Он, например, никогда не избегал встреч с офицерами, которые что-то просили для себя, повышений в звании или еще чего-нибудь...

– Кто были эти люди, которые появились в окружении генерала Филимонова?

– Разные люди... Сначала к нам зачастили журналисты. Наши, потом иностранные. Коля встречался со всеми, подробно отвечал на вопросы, давал интервью. Иногда его ответы редактировали, иногда писали совсем не то, о чем он говорил. Коля очень сердился в этих случаях.

– А что искажалось?

– Его критика в адрес властей. И потом... вы знаете, Коля добрый и интеллигентный человек. А журналисты создали образ этакого солдафона, грубого мужика, который только и способен, что всех построить в две шеренги. И что самое неприятное – после этих публикаций Коля сам стал меняться. Он становился похожим на того генерала Филимонова, которого изображали в газетах. У меня складывалось впечатление, что чья-то невидимая рука пытается вылепить из моего мужа какого-то другого человека. И надо сказать, во многом это сделать удалось. Коля стал совсем другим за этот год.

– К сожалению, это обычная история, – вздохнул я, – политика бывает только грязной. И никакой другой. И делается она соответствующими, грязными методами.

Надежда Анатольевна кивнула:

– К сожалению, Коля этого не понимал. Ему казалось, что люди, которые его окружают, хотят только одного – того же, что и он, – блага для нашей страны, для России. А я сомневалась в этом с самого начала.

– Расскажите поподробнее, – попросил я.

Надежда Анатольевна промокнула глаза уголком носового платка и продолжила свой рассказ...

С тех пор как Николай решил баллотироваться в депутаты, у них в доме стало бывать много народу. Откуда-то появились деньги, Филимоновы переехали в новую огромную квартиру на Кутузовском проспекте.

Теперь Николай с утра пропадал в своем «штабе» – арендованном на неизвестно какие средства офисе в районе Тверской. Он уходил из дома рано утром и приходил почти ночью.

– Смотри новости по телевизору, вот и будешь знать, где я, – самодовольно отшучивался он в ответ на ее жалобы, что они почти не видятся.

И действительно, почти в каждом выпуске новостей мелькали сообщения о ходе предвыборной кампании генерала Филимонова. Он появлялся на заводах и фабриках, не пропускал митингов, устраивал встречи со своими будущими избирателями. Надя замечала, что политика все больше ему нравится. И он постепенно вязнет в ней как в болоте. Она чувствовала, что вся эта помощь потом обернется чем-то

очень нехорошим, что придет день, когда «бескорыстные» помощники потребуют оплаты по всем счетам. Она пыталась рассказать Николаю о своих опасениях. Но все было тщетно. Он только отмахивался. Генерал Филимонов чуял пьянящий аромат близкой, идущей прямо в руки власти и не хотел отказываться от нее.

Как— то раз Надя нашла на столе мужа лист бумаги, на котором было напечатано: «Примерные тезисы выступления Н. А. Филимонова».

Вообще— то Надя не интересовалась политикой. Ее мысли были поглощены проблемами лингвистики, а именно темой ее докторской диссертации – «Некоторые проблемы лабиализации согласных звуков в бриттской подгруппе кельтских языков», понять смысл которой могли человек пять-шесть во всей России и еще несколько десятков – в мире. Но тем не менее Надя решила полюбопытствовать и прочитала текст «тезисов». Он привел ее в ужас. Какой-то неизвестный «спичрайтер» вложил в уста Николая отвратительные лозунги. В них требовалось очистить Россию от «инородцев», выселить «некоренные и пришлые народы», исключить появление нерусских во властных структурах. Текст был в стиле Йозефа Геббельса где-нибудь в тридцать третьем году, когда коричневые в Германии только набирали силу.

Оставалось надеяться, что эта бумажка оказалась на его столе случайно. Но все подозрения Нади оказались оправданными. Когда она включила программу «Время», диктор

после сообщений о нестабильности в Таджикистане и выборах в Намибии сказал: «Набирает силу предвыборная борьба за недавно освободившееся место депутата Государственной Думы от пятисот шестнадцатого избирательного округа города Москвы. По мнению экспертов и наблюдателей, наиболее предпочтительными выглядят шансы бывшего генерала Филимонова. Сегодня он выступил на организованном его избирательным штабом митинге. Выступление, как всегда, отличалось крайним национализмом и ксенофобией. Однако, по данным социологических опросов, по популярности в народе Филимонов оставил далеко позади остальных кандидатов на это место...»

Отрывки из выступления Николая не оставили никаких сомнений. Он в точности повторил «тезисы», добавив от себя несколько еще более ужасающих высказываний. Надя сжала виски и так просидела до самого прихода Николая.

Разговор не получился. Николай говорил о потребностях текущего политического момента, о том, что нужно понравиться народу и поэтому можно иногда говорить не то, что думаешь на самом деле... Надя ничего не ответила и ушла в спальню.

С тех пор она не интересовалась делами мужа. Она с головой ушла в свои кельтские языки и оторвалась от них только тогда, когда Николая наконец выбрали в Госдуму.

В этот день был большой банкет в «Праге». Огромный стол ломился от яств, были приглашены несколько эстрад-

ных звезд. Но Надя скучала. Она выпила шампанского, поковыряла черную икру на тарелке, потанцевала с Николаем. Практически ни с кем Надя не была знакома. Конечно, некоторые люди из свиты Николая (да, со временем образовалась и свита!) заходили к ним на квартиру, но сразу же уединялись в кабинете с будущим депутатом. Надя даже не знала их имен. Кроме большого количества людей в военной форме, одинаковых темных костюмах и галстуках по залу бродило много крепких молодых людей с короткой стрижкой и невыразительными лицами.

– Простите, можно составить вам компанию? – вдруг слышалось из-за спины.

Надя обернулась. Перед ней стоял немолодой уже, но подтянутый человек в очках и в мягком вельветовом пиджаке. Его вид контрастировал с униформой остальных присутствующих. Больше всего он был похож на преуспевающего ученого.

– Эдик, – не дождавшись ответа, протянул ей руку человек.

Надя невольно улыбнулась. Так мог представиться ее студент или кто-нибудь значительно моложе ее. Но чтобы человек с копной совершенно седых волос!..

– А отчество, простите?

Тот вздохнул:

– Все. Это конец. Когда красивая женщина просит назвать твое отчество, значит, пора на покой.

– Извините, – пожалала его руку Надя.

Эдик сел на соседний стул.

– Я вижу, вы скучаете? Я вас понимаю, – конфиденциально наклонившись к ее уху, сказал он, – здесь люди явно не вашего круга. Но с другой стороны, у вашего мужа сегодня такой радостный день.

Надя кивнула. От Эдика веяло каким-то теплом, и, потом, он был так не похож на остальных присутствующих здесь. Интересно, откуда он взялся и как сюда попал? Ведь, судя по виду, он был как раз из тех «инородцев», к изгнанию которых из страны призывал ее муж... Надя, вспомнив эти фразы, поежилась как от холода.

– Да, – покивал Эдик, – сейчас такое время, Наденька, никогда не знаешь, что услышишь от самого близкого человека в следующую минуту.

Он как будто читал ее мысли.

– Не грустите, – положил свою ладонь ей на локоть Эдик, – самое главное позади. Лучше послушайте анекдот: два еврея пошли на фильм о гибели «Титаника». Вышли задумчивые. Один у другого спрашивает:

– Мойша, так от чего пароход затонул?

– От айсберга, Абрам...

– Ну вот, так я и думал, что кого-нибудь из наших обвинят!

Анекдот никак не вязался с обстановкой, и поэтому Наде стало так смешно, что она расхохоталась во весь голос.

Эдик развлекал ее весь вечер. А потом несколько раз заходил к ним домой. Он оказался врачом-кардиологом с мировым именем. Больше всего Надю интересовало, что может связывать его с Николаем и его командой. Но этот вопрос Эдик старательно обходил. Он больше рассказывал анекдоты, балагурил, оказывал ей знаки внимания – не «клеился», а просто по-дружески.

Итак, Николай стал депутатом. Жизнь Нади никак не изменилась. Она так же ездила почти каждый день на Ленинские горы, сидела над малопонятными текстами в библиотеках, читала лекции.

Хотя нет, изменения все-таки были. Они начались и проходили постепенно с того момента, как Николай стал заниматься политикой. Надя чувствовала, что они расходятся, как прямые под углом в несколько градусов. Ее спаситель, герой, боевой генерал становился похожим на партноменклатурщика времен застоя. В его с виду пламенных речах сквозила неискренность, бескомпромиссность сменилась мягкотелостью, и даже в глазах появилось что-то чужое. И сам Николай становился чужим. Хотя и оставался для Нади самым близким. Вот такое вот противоречие...

– Да, – задумчиво произнесла Надежда Анатольевна, – он оставался для меня самым близким. Понимаете, я все время надеялась, что эта политика уйдет, осыплется с него как скорлупа. И он станет таким, каким был...

Она замолчала и снова приложила к глазам платок.

Мне очень хотелось прекратить эту беседу, перестать мучить эту несчастную женщину. Но я не задал еще самых важных вопросов.

– Скажите, Надежда Анатольевна, то, что произошло вчера, было для вас полной неожиданностью? Иначе говоря, не приходило ли вам в голову, что рано или поздно политическая карьера вашего мужа может закончиться плохо?

Она кивнула:

– Да, приходило. И не раз.

– Какие основания были для этого?

– Никаких... То есть, знаете, это можно назвать предчувствиями. Я чувствовала: что-то будет. И скорее всего, что-то нехорошее...

– Но какие-то конкретные поводы для этого были? – упорствовал я.

Она подумала.

– Нет... Скорее всего, не было. Просто те люди, которые вились вокруг Коли, не внушали мне никакого доверия. Это были просто пиявки, которым нужно было протолкнуть его в Думу, чтобы потом сосать кровь.

– Вы можете назвать кого-нибудь из них?

Она покачала головой:

– Нет. Я не общалась с ними.

– Хорошо. Остался последний вопрос. Где находятся документы, с которыми работал Николай Александрович? Его бумаги, черновики, наброски? Вы понимаете, в этом деле

любой намек может сыграть решающую роль.

Она подняла руку в знак того, что все понимает.

– Последнее время он работал на даче. Часто после работы ехал прямо туда. Иногда я видела его раз в неделю, конечно не считая телевизора.

– Нам нужно посмотреть его бумаги. Причем чем скорее, тем лучше.

– Конечно. Это можно сделать прямо сейчас...

Через десять минут мы ехали по направлению к даче Филимоновых.

– Значит, вы не были знакомы ни с кем из окружения вашего мужа?

Она покачала головой.

– А тот человек, с которым вы познакомились на банкете?

Филимонова пожала плечами:

– Я и видела его несколько раз всего. Я не знаю, какое отношение он имел к Коле. Хотя мне показалось, что остальные говорят с ним как-то особенно...

– Что вы имеете в виду?

– Ну... с каким-то почтением, что ли...

– Как вы это объяснили для себя?

– Никак. Я просто заметила это – и все.

– Зовут его, вы говорите...

– Эдик.

– А фамилия?

Надежда Анатольевна наморщила лоб:

– Не помню. Но какая-то странная была фамилия. Очень необычная.

– А чем он занимался?

– Знаю только то, что вам сказала, – он врач-кардиолог.

Странно. Какое отношение имеет врач, да еще кардиолог, к политике. Хотя не скажи, Турецкий, вспомни девяносто шестой год, тогда врачи и именно кардиологи играли ой какую роль... Во всяком случае, надо будет запомнить.

Столб черного дыма я заметил издалека. А когда мы подъехали к даче, то сомнений не осталось – деревянный дом Филимоновых пылал как огромный факел. Пожарники, вызванные, по-видимому, соседями, пытались что-то сделать, но все было тщетно. Через десять минут от дома остался только черный остов.

Еще находясь по ту сторону белой, плохо окрашенной двери, Ольга знала, что соврет. Это будет маленькая-маленькая ложь, но никому вреда она, конечно, не принесет, даже напротив... Девушка давным-давно придумала, что ответит. Вопросы были известны заранее. Раскрасневшиеся от волнения молодые люди, выходявшие из кабинета, взхлеб пересказывали все, о чем их спрашивали. И Ольга знала главный вопрос. В уме она в тысячный раз повторила, что скажет, и, казалось, была готова на все сто, но, когда услышала, что вызывают ее номер, все же не удержалась – вздрогнула от неожиданности.

– Сорок шестой! – произнесла пожилая женщина и скры-

лась за дверью.

Ольга сделала шаг и влажной от волнения рукой дотронулась до ручки двери...

В просторной классной комнате по центру располагался длинный стол, составленный из трех школьных парт. Для солидности он был покрыт зеленым сукном. Тяжелая ткань придавала сооружению монументальность. Ольга вошла в комнату и вопросительно посмотрела на экзаменаторов. Щуплого вида девушка в очках сделала указующий жест, приглашая сесть. Молодой мужчина откашлялся и почему-то сурово спросил фамилию абитуриентки.

– Кот, – коротко ответила Ольга.

– "Д" или «т» на конце? – поинтересовалась девушка.

– "Т", – сказала Ольга.

Больше никаких вопросов ее фамилия не вызвала. Ольга с облегчением вздохнула. За свою почти двадцатилетнюю жизнь ей уже осточертело постоянно рассказывать историю происхождения фамилии. Хотя история сама по себе была довольно интересной и представляла нечто вроде семейной легенды. Ольга не помнила, когда впервые услышала ее. Вероятно, в раннем детстве. Но и потом девочке столько раз ее рассказывали, что, казалось, разбуди среди ночи и спроси, и она воспроизведет эту историю слово в слово.

В коротком изложении семейное предание звучало так.

В голодном двадцать шестом году в детский дом, что при- таился на окраине крохотного подмосковного городка, по-

стучали. Когда дежурная санитарка открыла дверь, то увидела на крыльце худенького мальчика, на вид ему было года два. Женщина огляделась по сторонам и привычно вздохнула: «Подкидыш...» Она взяла малыша за руку и ввела в дом.

– Тебя как звать? – сочувственно спросила санитарка.

Мальчишка серьезно посмотрел на женщину и неожиданно по-взрослому протянул руку.

– Кот, – ответ прозвучал коротко, но внушительно.

– Это фамилия, что ли, такая? – удивилась женщина.

Подкидыш кивнул...

Герой этой истории, дед Ольги – Алексей Владленович Кот, – ни тогда, ни после не мог вспомнить, почему же он назвал именно это слово. Может быть, по ассоциации с обычной домашней кошкой? Кто знает... Но так или иначе, не слишком раздумывая, его записали под фамилией «Кот». Мужское имя в этом детдоме было дежурным – Алексей, так звали бывшего директора, которого все обожали и которого года два назад задушил мертвым кашлем туберкулез. Отчество же решили дать в честь великого вождя пролетариата – Владимира Ленина, вот и получилось «Владленович». И это было еще вполне терпимо по сравнению с Ивановой из старшей группы, которую и вовсе звали Даздраперма, что означало «ДА ЗДРАВствует ПЕРвое МАя»...

Вспомнив про Даздраперму, Ольга невольно улыбнулась. Но похоже, что экзаменаторов приемной комиссии юридического факультета семейные предания не интересовали.

– Вы окончили школу два года назад? – Вопрос строгого мужчины прозвучал как утверждение.

Ольга кивнула, подтверждая информацию.

– А что вы делали эти два года?

– Работала секретаршей.

– Где?

– В КБ «Тополь».

– Вам нравилась эта работа?

– Да. Но... Невозможно работать секретаршей всю жизнь. Скучно. И потом...

– Хорошо, – перебил ее мужчина.

– А какие предметы вам больше всего нравились в школе? – Неприятный, звенящий голос хрупкой женщины заставил Ольгу вздрогнуть.

– История и биология, – не задумываясь, ответила абитуриентка.

– Вам известно, что в этом году в нашем университете введено новое правило для медалистов? – Мужчина почему-то испытующе посмотрел на девушку.

– Да. Я знаю. Мне нужно пройти собеседование...

– И тогда вы будете приняты без экзаменов.

– Да.

Ольге мучительно захотелось глотнуть холодной воды. Она едва отвела глаза от полупустой бутылки с минеральной водой, стоящей на пыльном подносе.

– Мы не случайно проводим собеседование с абитуриен-

тами. – Мужчина посмотрел в сторону бутылки и перевел вопросительный взгляд на девушку. – Хотите воды?

– Нет, – смутилась Ольга.

Он медленно протянул руку к подносу, взял бутылку и налил воду в стакан.

– Выпейте, у вас во рту пересохло.

Девушка осторожно взяла стакан и маленькими глотками выпила воду.

– Спасибо, – выдохнула она и улыбнулась.

– А почему вам нравились именно история и биология? – решила продолжить свою тему худенькая женщина.

– Во-первых, у нас были очень хорошие учителя по этим предметам, а во-вторых, и тот и другой расширяют границы познания. История обращена в прошлое, а биология – внутрь человека и всего мира... – Ольга даже зажмурилось от неловкости своего ответа. Но экзаменаторы остались удовлетворены.

По тому, как у мужчины сдвинулись брови к переносице, абитуриентка почувствовала, что сейчас, именно сейчас будет задан тот самый главный вопрос.

– А почему вы решили выбрать профессию юриста, а не какую-то другую?

Так просто прозвучал вопрос, которого девушка боялась больше всего. Ответить правду было невозможно, глупо и губительно. Ольга набрала в легкие воздуха и спокойно ответила именно то, что сотни раз отрепетировала и постара-

лась запомнить на зубок:

– Может быть, это прозвучит банально, но я выбрала юридический факультет, потому что, на мой взгляд, эта профессия одна из самых благородных и нужных сегодня. В мире происходит столько несправедливости и жестокости, что мне хотелось бы стоять на стороне закона в позиции активного участника.

– Хорошо, – немного удивленно сказал мужчина, – вы свободны.

Врать Ольга не любила и не умела. Поэтому в свой ответ она вложила как можно больше искренности и постаралась максимально приблизить его к истине. Признаться же в действительной причине она не могла. Хотя истина уместалась в одном коротком слове – месть.

Алексей Владленович Кот был рожден командовать. Если перевести на военный язык, то как минимум полком. Для этого он, казалось, обладал всеми данными: громким, зычным голосом, решительным и сильным характером, безусловной уверенностью в себе и своих поступках. Но по иронии судьбы, его всю жизнь окружали женщины и командовать ему пришлось лишь слабым полом. Обидно! Во время войны так получилось, что он оказался единственным мужчиной в детском доме. Сначала на фронт ушли учителя-мужчины, затем пришла очередь и старшеклассников. Враг железной поступью приближался к столице, и теперь уже брали без разбора: сирота или нет – на это никто особо не смот-

рел. Алексей уже подсчитывал в уме дни, оставшиеся до его шестнадцатилетия, чтобы попроситься на фронт, когда в слесарной мастерской с ним случилось несчастье. Неожиданно сломалась прогнившая потолочная деревянная балка и упала точно на ногу. Надо же тому случится, чтобы он оказался именно под ней! В результате – закрытый перелом голеностопа. Жгучая мгновенная боль и громкий хруст.

– А-а! – невольно вскрикнул подросток перед тем, как потерять сознание.

Падение балки, видимо, вызвало шум, потому что в мастерскую мгновенно сбежались люди, и раненого на подводе отправили в ближайшую больницу. Розовощекий молодой хирург внимательно осмотрел ногу и попросил перенести больного в перевязочную. То ли по неопытности, то ли от волнения врач умудрился так неловко наложить гипс, что кости срослись неправильно. С тех пор у Алексея осталась хромота.

На фронт его не взяли, а поскольку парень обладал совестливым характером, то (оставшись единственным взрослым мужчиной!) старался работать за четверых. Здание детского дома было дряхлым, персонал состоял из четырех женщин: заведующей, поварихи, няньки и глухонемой медсестры. Детей тоже оставалось всего ничего – десятка полтора, не больше. Остальных эвакуировали. Обещали и этих забрать, но, видимо, что-то там наверху не сложилось – об эвакуации в Ташкент замолчали. Заведующая, правда, послала

несколько осторожных запросов, но в ответ – мертвая тишина. Оставшиеся детишки тихо радовались: ехать в неизвестный (а оттого и страшный) Ташкент никому не хотелось. Мало ли как там к ним отнесутся! Беспризорная жизнь уже давно научила мудрому правилу: всегда довольствуйся малым.

Официально Алексей Кот числился столяром, но заниматься приходилось всем – чинил электропроводку, ездил в близлежащую деревню за дешевыми молочными продуктами, прочищал трубы, ремонтировал что придется, убирал во дворе... Похоже, война смыла привычные представления о возрасте, и теперь все – от заведующей, невысокой, подвижной Светланы Яковлевны, до поварихи, молодой и крепкой Насти, – воспринимали Алексея как настоящего мужчину. К нему обращались за советом, и слово его имело особый вес – как скажет Кот, так оно и будет. Время было тяжелое, военное, снабжение урезали до такого мизера, что и подумывать страшно. Именно тогда у пятнадцатилетнего мальчишки возникла идея обработать весной землю за домом и посадить огород. Идея была одобрена. Первый урожай хоть и был небольшим, но все же как-то помог спастись от голода. Но это было уже потом, позже – весной сорок второго. А пока над столицей темными, свинцовыми тучами нависла страшная осень сорок первого и никто не знал, чем же все закончится – возьмут немцы Москву или нет... С какого-то момента началась самая настоящая паника. Казалось, все было на стороне врага – он приближался семимильными шагами,

ничто не могло его остановить, он был грозен, он был страшен, он был силен настолько, что представлялся детдомовцам многоголовым чудовищем...

– А фашист – дракон, да? – боязливо спрашивали у Алексея самые маленькие, когда он по привычке заходил к ним, чтобы рассказать на ночь сказку.

– Ну какой он дракон! Так, мелочь пузатая...

– А почему же мы его никак не победим?

– Тихо, салажата! – прикрикивал Алексей. – Что, в НКВД захотели? Вот я на вас оперуполномоченному-то напишу!

Пища от страха, малыши ныряли под одеяла. Затихали. Знали, что одноглазый оперуполномоченный Серегин, который частенько навевался к поварихе Насте по ночам, высокий, сутулый, вечно пьяный мужик с неизменным револьвером в красной дерматиновой кобуре, намного реальнее и страшнее фашиста-дракона...

Алексей очень хорошо помнил одну ночь. Это был самый конец ноября. Морозы грызли землю, которая была едва-едва покрыта тонким снежным покровом. Во всем ощущалось состояние тревоги и страха. Как обычно, они собрались на первом этаже возле черной потрескавшейся «тарелки» – репродуктора, прибитого в углу столовой. Люди с волнением вслушивались в суровые слова Левитана. Верили и не верили. По слухам, «вождь всех народов» окончательно развалил фронт, запил с горя и сбежал в тыл. Немцы уверенно подходили к Москве с северо-запада. Все ближе и ближе. А он

говорит: «Войска уверенно держат оборону»...

И вдруг!

Сначала возник не шум, а появилось странное освещение. Среди беззвездной ночи ярко-ярко высветился небольшой двор детского дома, голые ветви деревьев, мелко задрожали замерзшие стекла окон. И только потом возник оглушительный грохот разрывов. Проснувшиеся испуганные дети вскочили с кроватей, кто-то громко заплакал... Светлана Яковлевна вбежала в комнату в распахнутом халате, попыталась, заглушая грохот и крик, успокоить детей.

Но среди общего шума и паники никто не слышал ее голоса.

– Ребята, успокойтесь! – старалась перекричать звук снарядов заведующая детским домом.

– Светлана Яковлевна, а если бомба попадет в наш дом, мы все умрем?...

Первое, что увидел Алексей, входя в комнату, это испуганные глаза женщины. Подросток мгновенно оценил ситуацию.

– Светлана Яковлевна, детей нужно спустить в подвал.

– Да, да, Леша, – торопливо произнесла она.

– Всем одеться, – строго сказал Алексей. – Старшие, помогите малышам. И без паники.

Эту первую серьезную бомбежку воспитанники детского дома и четверо взрослых переждали в небольшом сыром полуподвале старого здания. На всю жизнь Алексей запомнил

ужас от осознания собственной беспомощности перед чужим насилием. И именно в ту ночь он понял, что этот страх в нем может победить лишь другое чувство – чувство ответственности за других.

Своей внучке Ольге Алексей Владленович никогда о войне не рассказывал. То ли стеснялся, что не был на фронте, то ли слишком тяжело было вспоминать те годы. Из памяти семьи эти годы были как будто вычеркнуты. Только знали все, как радуется дед письмам, их он получал много и часто. Писали бывшие детдомовцы, которых жизнь разбросала по всей стране. Если кому-то в семье выпадало счастье первым заглянуть в почтовый ящик и вынуть оттуда конверт, адресованный деду, вручение письма было целым представлением.

– Дед, пляши! – смеялась его жена Вера.

– Ну вот еще, – шутливо отмахивался Алексей Владленович, – давай конверт, не томи.

– Нет, спляши! – настаивала бабушка.

– Спляши, спляши, – подхватывала маленькая Ольга.

– Ну тогда ты спой, – смеялся дед, – я без аккомпанемента плясать не буду.

Три женщины запевали «Калинку», и дед, закинув руки за голову, торжественно выступал в центр комнаты. Потом широко разводил руками и, выставляя поочередно то правую, то левую ногу вперед, пускался в пляс. Не выдержав, в общее веселье включался и пятый член семьи – дворняжка Шальная, собака весело визжала и прыгала, стараясь лизнуть руку

танцующему главе семьи.

«Здрасте, здрасте, здрасте», – поддакивал в такт песни по-пугай Женя и хлопотливо размахивал крыльями.

Ровно насколько дед не любил вспоминать военное время, ровно настолько обожали в семье те минуты, когда он, лукаво прищутив глаз, рассказывал историю знакомства с бабушкой Верой.

– Представляете, смотрю на доску и ни черта не могу вспомнить, – театрально разводил руками Алексей Владленович. – Вокруг меня какие-то девчонки, мальчишки – все строчат, быстро-быстро пишут, а я, как дурак, в сотый раз перечитываю темы сочинений, и ни одной... ни одной самой завалющей мысли в голове. Пусто! И тут смотрю, рядом сидит такая щуплая девчонка и ловко так строчит. Подумал я, подумал и давай все у нее списывать.

– Списал все, слово в слово, – смеялась Вера, – даже запятые все срисовал.

– А вот и неправда, – вмешивался Алексей Владленович, – не все запятые. Тебе-то, хитрющей, пятерку поставили, а мне тройку.

– Это ты так спешил, что пропускал буквы в словах, – подхватывала дочь Ксения.

Историю о том, как на вступительных экзаменах в педагогический институт познакомились Алексей и Вера, знали все.

– Ох, и глупое у тебя лицо было, Леша! – посмеивалась

Вера.

– Это в тот момент, когда ты ладошкой прикрыла свою тетрадь?

– А мне обидно стало. Я учила, учила, готовилась целыми днями, а тут какой-то сел рядом и внаглую списывает!

– Значит, глупое у меня лицо было? Ах так! Хор-р-рошо... А ты помнишь, как уже на втором курсе ты у меня списывала экзаменационную по английскому?! – гремел дед. – Забыла, мать?!

– Один – один! – хлопала в ладоши внучка.

Алексей и Вера поженились, когда перешли на второй курс института. Вера была родом из Ленинграда, из ее семьи она единственная выжила в блокаду. Погибли все – две сестры, брат, мать, а похоронка на отца пришла в самом конце войны. Последствия холодной блокадной зимы сказались на ее здоровье позже, когда после трех лет замужества был поставлен диагноз – бесплодие.

Ей ничего не нужно было говорить мужу. Он обо всем догадался сам, когда посмотрел в ее красные от слез глаза.

– Застудилась я тогда... – произнесла Вера и закрыла лицо ладонями. Ее плечи мелко задрожали.

– Вот еще, плакать будешь, – Алексей старался придать своему голосу бодрости, – это ж разве беда.

– Беда, Леша, беда... Ты так хотел сына.

– Ты ж меня знаешь, если я чего-то хочу, значит, то обязательно будет, – уверенно произнес мужчина.

Вера подняла удивленные глаза на мужа. Он ласково улыбнулся.

– Сходи завтра в детский дом, посмотри ребятишек, может, какой мальчишка приглянется. Его и усыновим.

Через неделю Вера привела в дом Ксению.

– Что, с пацанами нынче напряженка? – удивился Алексей.

– Леша, ты только посмотри, какая девочка славная. У нее ж глаза точь-в-точь твои. Я как увидела ее, поняла – наша девочка. Ее Ксюшей звать...

Алексей ласково потрепал ребенка по щеке:

– Ну здорово, Ксения.

– Здорово, – отозвалась девочка и посмотрела на мужчину большими карими глазами.

– А глазищи-то у тебя мои, – усмехнулся Алексей, – ну ладно, девка так девка.

Через месяц были закончены формальности с документами, и в семье Веры и Алексея появилась законная дочь. Закончив институт, оба пошли работать учителями в одну школу. Алексей выбрал историю, Вера – биологию.

Всю свою сознательную жизнь Ольга прожила в одном доме с дедом и бабушкой и не помнила случаев ссоры. Ксения же помнила только одну. Это произошло в тот день, когда она сообщила, что выйдет замуж за Владимира.

– Ты с ума сошла. – Вера строго поджала губы.

– Почему? – выдохнула Ксения.

– Сама знаешь, – мать повернула голову в сторону отца.

Алексей сидел за столом и просматривал контрольные работы. Он, казалось, не слышал, о чем говорят жена и дочь.

– Я что, не могу выйти замуж за человека, которого люблю? Только потому что он тебе не нравится.

– Он не только мне не нравится... – Мать подошла к столу и закрыла тетрадь, лежащую перед Алексеем: – Леша, скажи ей.

Отец тяжело вздохнул.

– Папа, я люблю его. И мне все равно, что вы здесь...

– Во-первых, ты врешь, что тебе все равно, что мы думаем по этому поводу, иначе ты давно бы уже была в загсе. Во-вторых, я не против.

– Что?!

– Я не против, чтобы вы поженились, – уверенно повторил он.

– Наверное, я чего-то не понимаю... – Вера удивленно посмотрела на мужа. – Леша, ты прекрасно знаешь, что парень пьет.

– Он не пьет! – перебила Ксения.

– Любит выпить, – тотчас поправилась Вера. – К тому же после училища он будет офицером, а это значит – сплошные гарнизоны и переезды. Сейчас не пьет, запьет потом!

– Мама!

– Не перебивай меня, я знаю, что говорю...

– Мать, выйдем на минуту, переговорить нужно. – Отец

встал из-за стола.

Родители ушли на кухню. Ксения напряженно прислушивалась к голосам, раздающимся сквозь тонкую фанерную дверь.

– Ты что, нашей дочери добра не желаешь? Не пара он ей! Я чувствую – не пара! Ну зачем ей этот танкист?! – горячась, говорила Вера.

– Артиллерист.

– Какая разница!

– погоди, не горячись... Добра-то я желаю. Только, видишь, она уже выбрала его. И я не хочу стоять у нее на пути. Она взрослый человек...

– Она еще ребенок!

– Ей двадцать два.

– Вот именно!

– Вера, в конце концов, дети должны сами ошибиться, чтобы стать мудрее. В нашу жизнь никто не вмешивался...

– А я не могу так просто отдать ребенка в руки человека, которому не доверяю. Если она выйдет за этого артиллериста, это будет большой ошибкой.

– Возможно. Но это будет ее ошибкой. – Голос отца звучал непривычно тихо.

– Алексей, но это глупо, глупо, понимаешь... Мы все будем жалеть...

– Лучше жалеть о том, что сделано, чем о том, что не совершилось.

Поняв, что мужа не переубедить, мать заплакала в голос.

– Да не убивайся ты так, в плохом всегда есть хорошее и наоборот. Пусть женятся. Поживем – увидим, кто прав...

После свадьбы молодые уехали в небольшой сибирский городок, куда Владимира отправили по распределению, а через полтора года Ксения вернулась к родителям с двумя чемаданами и ребенком на руках. Вопросов никто не задавал, только мать с укоризной посмотрела на мужа, и Алексей в ответ пожал плечами:

– Значит, будем жить вчетвером.

Вера взяла на руки внучку, ребенок сладко зачмокал губами, бабушка улыбнулась:

– В одном, Алексей, ты был прав. В плохом всегда найдется доля хорошего.

– Вот так-то, – усмехнулся дед и принял из рук жены ребенка, – жаль только, что не парень.

Внучку свою Ольгу дед любил до самозабвения, ей он мог позволить, казалось, все: войти в комнату в то время, когда он готовился к урокам, испачкать пластилином выходную сорочку, потерять его любимую ручку... Если по одному телевизионному каналу демонстрировался футбольный матч, а по другому начиналась передача «В гостях у сказки», вопросов быть не могло. Разумеется, выбор делался, исходя из интересов любимой внучки. Ольга помнила, как однажды в детском саду подруга принесла немного халвы и угостила ее. Девочка пришла домой и рассказала деду, какая это вкус-

ная вещь – халва, жаль только, что кусочек был совсем маленький. Алексей закусил губу, подошел к шкафу, открыл небольшую шкатулку, в которой хранились деньги, и вышел из дома. Вернулся дед с огромной коробкой в руках.

– Что это? – охнула бабушка.

– Халва. Семнадцать килограмм. Сумел достать только на кондитерской фабрике. Дефицит, знаешь ли. Пусть ребенок ест вволю.

Эту халву вся семья ела в течение двух лет, приходившим гостям давали в качестве гостинца.

Любое желание внуки было для Алексея Владленовича законом. При этом в памяти Ольги дед остался как самый строгий и требовательный человек. Почему так? Может быть, потому, что последнее слово в семье оставалось всегда за дедом. Ему достаточно было сказать «нет», и все беспрекословно подчинялись. Ольга, как и ее мать и бабушка, знала, что самое мудрое и верное решение будет принято главой семьи.

Когда Ольге было лет десять, она заболела ангиной. Дед выслушал нескольких врачей и пришел к выводу, что ребенку нужно укреплять иммунитет, для этого девочке необходим свежий воздух. Эту ценную мысль он высказал вечером за ужином. Вера настороженно посмотрела на мужа:

– Ты предлагаешь переехать всем в деревню?

– Нет. Я буду строить дачный дом.

– Дом?!

– Что? – Ксения чуть не поперхнулась. – Но у нас же нет даже участка.

– Будет...

И действительно, к осени дачный участок был получен, а летом дед начал строительство. Домик получился небольшой, но уютный. Даже Вера тогда поразилась организаторским способностям мужа. Неведомыми способами ему удавалось доставать строительные материалы, договариваться насчет доставки, нанимать рабочих и даже строить самому. Ему помогали друзья. Женщинам вменялось в обязанность вовремя готовить стол.

– Папа, твою бы активность, да в мирных целях, – смеялась Ксения.

– А у меня какие цели? Самые что ни на есть мирные! – громоподобным голосом заявлял Алексей Владленович.

Удивительным образом все деду удавалось легко. Казалось, за что он ни возьмется – обязательно получится. Так же было и с домом. Уже через год вся семья выезжала летом на дачу. Ольга вдыхала запах свежевскопанной земли и с гордостью наблюдала за дедом, который, слегка прихрамывая, с хозяйским видом расхаживал по участку и размечал места для посадки смородины.

– Дед, скажи, ты самый-самый сильный? – спросила девочка.

– А как же?! Самый-самый сильный, – рассмеялся Алексей, – и не сомневайся.

Дед сделал шаг в сторону и от неожиданности чертыхнулся, прямо под ногами у него вертелся черный щенок.

– Вот черт, откуда взялся, шальной! – рассмеялся мужчина.

– Ой, какой хорошенький! Деда, пусть он у нас живет! – Ольга схватила щенка на руки, тот ласково лизнул ее в нос.

Вера вышла на крыльцо и строго прикрикнула:

– Ольга, немедленно отпусти собаку!

Щенок спрыгнул на землю, подбежал к женщине, стал ласкаться. Вера рассмеялась:

– Вот подлиза!

Щенок, чувствуя, что его одобряют, отчаянно завилял хвостом и радостно запрыгал.

– Шальной, – улыбнулась бабушка.

Щенка решено было оставить. Дед, в душе надеясь, что это кобель, тут же дал ему кличку Шальной и уже вовсю называл его своим другом.

– Будешь мне другом, понял? В доме ведь одни бабы, – ласково трепал Алексей пса за ухом, – а мне знаешь как соратник нужен...

Каково же было разочарование, когда через некоторое время обнаружилось, что и пес Шальной принадлежит к женскому роду. Вот ведь не везет! Выгнать его, конечно, не выгнали, но кличку пришлось изменить. Так в доме появился еще один член семьи.

Точной даты этого дня Ольга не помнила. Это случилось

приблизительно через месяц после ее пятнадцатилетия. Дед пришел домой позднее обычного и, не снимая пальто, устало опустился на стул. Шальная с веселым визгом выбежала ему на встречу. Алексей вяло потрепал собаку по голове.

– Леша, что случилось? – удивленно спросила Вера. – Ты сегодня очень поздно.

Дед молча поднял глаза и как-то вымученно улыбнулся:

– Обманули меня сегодня, Вера, понимаешь?

– Кто обманул? – Ксения с Ольгой подошли к деду.

– Знал бы кто... – развел руками Алексей.

– Где же ты был, Леша? – Вера внимательно посмотрела на мужа.

– Обокрали меня, девки, кошелек вытащили из кармана, – горько усмехнулся мгновенно постаревший учитель. – Понимаете? Какой-то подлец решил, что может вот так залезть своей грязной рукой в мой карман и взять мою вещь. И все это сойдет ему с рук!

– И что ты сделал? – осторожно спросила Ксения.

– В милицию пошел. Рассказал все... а они... А, – безнадежно махнул рукой Алексей.

– Эх, дед, – покачала головой Вера, – наивный ты человек. Неужели ты думаешь, что милиция будет заниматься каждым украденным кошельком?

– Деда, а денег там много было? – осторожно спросила Ольга.

– Да ну! Малость... Да не это важно, важно, что они взяли

безнаказанно мою вещь. Я бы им задал только один вопрос. На каком основании, кто дал им право...

– Ну раз денег там было мало, то... может, плюнуть, чего так переживать, – тихо произнесла Ольга.

– Не понимаешь ты, внучка, не понимаешь. Сегодня они в мой карман залезают, а завтра в дом мой войдут... Честное слово, как будто в душу плюнули. Мне не денег жалко, зарабатую, в конце концов, мне от несправедливости тошно.

– А в милиции тебе что сказали? – сочувственно произнесла Ксения.

– Сначала даже разговаривать не хотели. Отмахивались. А потом все же протокол составили.

– Что толку от этого протокола! – расстроено сказала Ксения.

– Вот и я о том же!

– Бесполезно все это, Леша, – произнесла Вера, – милиция твою душу не очистит. У них и так дел по горло.

– Противно мне, так противно...

До этого случая Ольга не припоминала, чтобы дед когда-нибудь болел или жаловался на что-то, а тут то простуда, то сердце пошаливает. Как-то сразу заметнее стали морщинки на лице, откуда-то появилась небывалая раньше сутулость, хромота стала особенно заметней. Женщины видели, что с Алексеем Владленовичем происходит что-то страшное, но каждый понимал, что ничем помочь не может. Здесь были бесполезны уговоры, попытки разогнать угрюмость, все бы-

ло бессмысленно. Казалось, будто сломалось в старике что-то и вся сила ушла сквозь брешь. Больше не было шуток за столом, веселых рассказов. Вера мучительно осознала, что теряет мужа, но все попытки ее поддержать любимого человека оказывались напрасными.

Дед умер через восемь месяцев после кражи. Недели за две до смерти он подозвал Ольгу к себе и тихо произнес:

– Знаешь, внучка, много я пережил за свою жизнь, но самое страшное для меня было это ощущение собственной беспомощности перед чужим насилием. Впервые я это почувствовал в сорок первом, когда немцы наступали на Москву. Тогда я смог это чувство преодолеть, а теперь, видно, стар стал, не по силам мне...

– Дед, ты чего так говоришь, как будто прощаешься? – спросила Ольга.

– Не «как будто», внучка, я на самом деле с тобой прощаюсь.

Ольга взяла старика за руку и умоляюще посмотрела на него:

– Дед, не умирай. Я прошу тебя...

День похорон Ольга запомнила очень плохо. Был сильный ветер, уносящий обрывки слов, горячие слезы тут же высыхали на холодных щеках, мороз пробирал до самых костей. Девочка слышала глухой звук падающих комьев земли о деревянную крышку гроба, и ей казалось, что все это страшный сон, который вот-вот должен закончиться. К ней подо-

шла невысокая полная женщина и положила руку на плечо:

– Поплачь, девочка, легче будет.

Ольга внимательно посмотрела на пожилую женщину.

– Он так быстро умер, – сказала Ольга и почувствовала какую-то глухую ненависть и жажду мести.

– Твой дед очень сильный был, но, видишь, и его смерть одолела, – просто сказала женщина.

– Его не смерть одолела, а жизнь. Обманули его. Понимаете?...

– Понимаю, – тихо подтвердила женщина и достала из кармана платок, – меня Светлана Яковлевна зовут. Мы с твоим дедом войну вместе пережили в детском доме. Может, слышала?

– Да, он рассказывал, – солгала Ольга и взяла в руку протянутый носовой платок, – ненавижу я жуликов и воров. Ненавижу...

Со временем, конечно, притупилось и чувство боли от потери старика, и сжигающая изнутри ненависть, и жажда мести. Все притупилось и осело где-то в глубине подсознания. А всплыло неожиданно через два года, когда классный руководитель географ Екатерина Петровна решила провести обычный опрос у своих выпускников: кто какую профессию хочет выбрать. Каждый из одноклассников вставал и произносил заветное: я хочу стать врачом, учителем, шофером, художником, строителем, нефтяником... Ольга Кот встала из-за парты и, проигнорировав ритуальное «я хочу стать», уве-

ренно и твердо произнесла:

– Я буду следователем.

В списке абитуриентов, прошедших собеседование, ее фамилия была в середине. Ольга еще раз нашла свою фамилию, посмотрела инициалы – Кот О. В. – все верно. Кот Ольга Владимировна. Студентка первого курса юридического факультета.

Неужели свершилось?!

– Поздравляю, – дежурно улыбнулся высокий пятикурсник и вручил девушке студенческий билет.

Процедура посвящения в студенты проходила в огромном зале, в котором гулким эхом отдавалось каждое слово. Торжественная часть была длинной и затянутой. Иногда девушке казалось, что каждый выступающий старался произнести как можно больше банальностей. Пятикурсники подготовили традиционный капустник. Ольга держала в руках твердую корочку студенческого билета и была счастлива. Она внимательно вникала в каждое слово очередного выступающего, заливисто смеялась над шутками студентов, ее душа ликovala.

«Дед, все в порядке. Все будет в порядке. Я постараюсь быть достойной тебя!»

Ольга не была наивна. Ее жажда мести не распространялась на того конкретного мелкого воришку, который, воспользовавшись автобусной толкучкой, залез в карман старика и вытащил оттуда потрепанный кожаный кошелек с мело-

чью в узком отделении. Вовсе нет. Ее ненависть распространялась гораздо шире. Она презирала всех жуликов, вместе взятых, всех тех людей, для которых не существует понятий о чести и совести. Для которых лихачеством считается облапошить другого, а представление о профессионализме измеряется количеством украденного.

По чистому совпадению первым самостоятельным делом Ольги Кот, третьекурсницы-практикантки одного из отделений милиции, была мелкая кража. Руководитель производственной практики, худощавый высокий заместитель начальника отделения, он же начальник угро, майор милиции Антонов, весельчак и балагур, ввел в кабинет низенькую пожилую женщину в розовом вязаном берете и коротко бросил:

– Давай, Ольга Владимировна, дерзай. Допроси потерпевшую.

Ольга торопливо поднялась с низкого кресла, обшитого дерматином, и подвела старушку к столу. Потерпевшая аккуратно подобрала подол темно-коричневого драпового пальто и села на неудобный казенный стул. Несколько томительных секунд устраивалась поудобнее. Наконец скрип стула прекратился – старушка выжидательно посмотрела на Ольгу. Девушка взяла с полки несколько листов протокола допроса, папку и села за стол.

– Такая молоденькая, – заискивающе улыбнулась старушка, – наверное, только что закончила институт?

– Да, – сухо ответила Ольга. Если б она создалась, что окончила только три курса и сегодня первый день ее практики, то старушка мгновенно утратила бы к ней уважение. Поэтому Ольга, сделав серьезное лицо, задала первый вопрос:

– Назовите, пожалуйста, ваши имя, фамилию, отчество, адрес и место работы.

– А это еще зачем? – удивилась потерпевшая.

– Такова форма протокола, – как можно строже произнесла Ольга.

– А-а-а, – протянула старушка и торопливо продиктовала данные: – Тогда пиши: Семенова Лидия Андреевна...

Лидия Андреевна пала жертвой автобусного воришки, который вытащил из ее сумочки дорогой (подаренный внуком-бизнесменом) кошелек из натуральной кожи. Поскольку Лидия Андреевна выехала в город за покупками (решила себя побаловать новыми сапогами), то сумма в кошельке оказалась приличная.

– Ровно два миллиона рублей, деточка, ровно два миллиона, – повторила старушка несколько раз.

– В каком номере автобуса вы ехали?

– Двадцать седьмой, деточка. Очень удобный для меня маршрут. Отходит недалеко от моего дома и останавливается прямо у вещевого рынка. Очень удобно. А сегодня, видите, воскресный день, народу-то тьма, все едут на рынок. И откуда у людей денег столько!..

– Может быть, тоже кто-нибудь подарил, – несколько гру-

бо прервала Ольга Лидию Андреевну.

— Ну уж вряд ли, — с сомнением покачала головой старушка. — Это у меня внук такой замечательный. Работает с утра до ночи. Чем занимается, правда, не знаю, поэтому врать не буду. Но ведь деньги просто так не даются!.. Но он не жадный при всем этом. Каждый раз, когда приезжает, обязательно что-нибудь подкинет. Понимает, что мне, старой, тяжело живется на пенсию. А вы знаете, какая сейчас пенсия? Впрочем, откуда тебе знать, ты еще молодая и не думаешь об этом. А вот я...

Ольга несколько раз робко пыталась остановить словоохотливую потерпевшую, но старушка упорно гнула свою линию. Она говорила без умолку, делая отступления, всевозможно комментируя саму себя, поправляясь, и через сорок минут (!) Ольга была в курсе всей жизни Лидии Андреевны. Оставался только вопрос: каким образом подойти к этому делу? Шансы найти вора равнялись нулю. Практикантка попыталась осторожно намекнуть потерпевшей на этот неприятный момент. Старушка соображала очень быстро и тут же захлюпала носом:

— А что ж делать, деточка, что ж мне теперь делать? Деньги-то ведь немалые. У нас, стариков, каждая копейка на счету. Неужто вы не можете этого подлеца сыскать? Ведь взял и вытащил у меня последнее из сумочки. Внук, конечно, у меня не жадный, он еще подкинет, но справедливости ради...

Лидия Андреевна неожиданно тонко и горько заплакала.

Уголки губ старушки опустились вниз, на лбу образовалась глубокая морщинка, щеки мгновенно увлажнились. В душе у Ольги что-то перевернулось. Она вспомнила сутулую фигуру деда, его усталое лицо, и ее сердце сжалось.

– Лидия Андреевна, вы не плачьте, мы... я постараюсь найти ваши деньги, вы не волнуйтесь. Я все сделаю, все, что в моих силах. Только не плачьте, пожалуйста!

– Два-а-а миллиона как о-о-о-дна копеечка...

– Лидия Андреевна!

Старушка извлекла из кармана большой носовой платок и громко высморкалась. Тут Ольга с облегчением заметила, что потерпевшая плакать больше не собирается.

– Спасибо тебе, деточка, за доброе слово. Молоденькая ты еще, душа еще не очерствела у тебя. Молодчина. Я тебя со своим внуком познакомлю. Он у меня красавец, каких мало. Весь в деда. Муж то мой, Семенов Сергей Иванович, таким в молодости орлом был. Ой!.. – Лидия Андреевна вдруг рассмеелась: – И знаешь, что скажу, будешь жить с моим Женькой как у Христа за пазухой. Он парень вполне самостоятельный. Это у него с детства. Вот помню...

Ольга уже приготовилась слушать очередную историю несчастной старушки, когда дверь в кабинет открылась и вошел Антонов, который сразу понял, что к чему. Он придал своему лицу как можно больше строгости и сурово, по-казенному спросил:

– Протокол допроса потерпевшей составлен?

– Да, – коротко ответила Ольга.

– Отлично. Допрос закончен?

– Да, уже заканчиваем... – Ольга опасливо покосилась на Лидию Андреевну. Старушка обидчиво поджала губы, но промолчала. Было видно, что она очень недовольна появлением Антонова.

– Думаю, что времени было предостаточно, чтобы составить обстоятельный протокол допроса. Не стоит больше задерживать потерпевшую. Лидия Андреевна, – обратился он к старушке, – вы можете идти. Если понадобится, мы вызовем вас повесткой.

– Вы в прошлый раз тоже обещали вызвать, а никто не вызвал. Я ждала! – начала старушка каким-то заунывным, просящим голосом.

– Значит, в этом не было необходимости, – строго прервал ее Антонов.

– И позапрошлый раз!..

– Знаю, знаю... Где ваш пропуск?

– Я на вас жаловаться буду!

– Сколько угодно. Где пропуск?

Ольга удивленно уставилась на Антонова. Тот с непроницаемым лицом смотрел сквозь потерпевшую.

– Вот всегда так! – с горечью сказала Лидия Андреевна.

– Пропуск...

– Сейчас, сейчас... Куда же он делся? Ага, вот... – Она протянула пропуск майору Антонову.

– Не мне. Ольга Владимировна, подпишите, пожалуйста.

Демонстративно повернувшись к старушке спиной, Антонов отошел к окну. Насвистывая что-то легкое, опереточное, уставился в пустой серый квадрат внутреннего дворика.

Ничего не понимая, Ольга поставила подпись на изрядно помятой бумажке:

– Вот...

На прощание потерпевшая по-мужски сильно пожала руку практикантке. Улыбнулась, показывая великолепные для ее возраста зубы:

– Спасибо, деточка.

– Еще не за что. Если я смогу найти этого вора, тогда и скажете спасибо.

– А уж тогда обязательно скажу! – Лидия Андреевна вдруг демонстративно показала язык, стоявшему к ней спиной майору Антонову, и бесшумно выскользнула из кабинета.

Изумленная Ольга открыла рот, но так ничего и не сказала. Финальная сцена явно застала ее врасплох. Услышав, как тихо скрипнула закрываемая дверь, Антонов мгновенно развернулся. На его лице застыла загадочная улыбка. Желая скрыть растерянность, девушка устало села за стол и принялась собирать листы с протоколом. Она опустила глаза, стараясь собраться с мыслями. Так что же здесь происходит, черт побери?!

– О чем думаешь, Ольга Владимировна? – весело спросил Антонов, подходя ближе.

– Да вот решаю, как теперь этого вора искать, – серьезно сказала Ольга. – Семенова тут так плакала, что я пообещала ей найти кошелек.

– И как ты собираешься сдерживать свое обещание?

– Честно говоря, не знаю. Вы вряд ли выделите мне оперативников угро, чтобы какое-то время курировать двадцать седьмой маршрут автобуса.

– Не выделяю, это точно.

– Ну вот, я так и знала... а одной мне тяжело будет.

– Тяжело?! – наконец не выдержал и рассмеялся Антонов. – Да ты что, Ольга Владимировна?! Ты всерьез приняла эту бабульку?

– В каком смысле?

– В прямом!

– Конечно... – неуверенно произнесла Ольга. – Или я чего-то не понимаю?

– Да ты что! Она у нас чуть ли не каждую неделю появляется. То бандиты окно в подъезде разбили, чтобы совершить на нее покушение, то ее газом хотят отравить, то еще что-нибудь выдумает... Сегодня про кошелек придумала. Иногда такое расскажет, что Маринина с Агатой Кристи отдыхают! Фантазия у Семеновой просто неумная...

Ах вот оно в чем дело!

– А зачем это она? – Ольга удивленно округлила глаза.

– Скучно ей.

– Скучно?!

– Конечно!

Ольга нахмурилась:

– А я ей поверила. На самом деле. Решила воров искать.

– На то и рассчитывали, – вновь рассмеялся Антонов. – У нас в отделении эта Лидия Андреевна как тест на выдержку. Выдержишь, значит, сможешь работать, не выдержишь – меняй, мать, профессию.

– Тест, значит? Значит, так? Как Жеглов с Шараповым, да?! – со слезами в голосе повторяла Оля.

– Ну ты извини, Ольга Владимировна, если что не так...

Девушка резко поднялась. Пальцы самопроизвольно сжали папку с делом. Казалось, еще мгновение – и она полетит точно в переносицу Антонову. Поняв, что шутка зашла слишком далеко, майор перестал смеяться. Тоже невольно выпрямился. Так они простояли несколько напряженных секунд, глядя глаза в глаза.

Антонов окончательно смутился, он вдруг почувствовал в этой хрупкой на вид девушке негибаемую стальную пружину, называемую характером.

– Ну и как, прошла я ваш тест? – звонко, с вызовом отчеканила Ольга Кот.

– На все сто! – дружелюбно улыбнулся майор Антонов.

Дача выгорела дотла. О том, чтобы найти среди дымящихся головешек какие-то документы или вообще что-нибудь, не могло быть и речи. Когда приехали вызванные мной эксперты, один из них, специалист по пожарам, понюхав воздух

и поковырявшись в том, что еще недавно было дачей генерала Филимонова, уверенно сказал:

– Это поджог.

– Из чего это следует? – недоверчиво поинтересовался я.

– Бензин. Судя по всему, изнутри дом основательно полили бензином. Во-первых, запах специфичный, во-вторых, как иначе объяснить, что дом моментально вспыхнул? А соседи говорят, что именно так оно и было. Газа в поселке нет – все на электричестве.

Надежда Филимонова растерянно бродила вокруг обугленных бревен. В сущности, от дачи остался один только забор. Для нее это еще один удар, конечно, не такой сильный, но все же. Я не верю в совпадения. Ничто не происходит просто так. И два таких события – убийство генерала Филимонова и пожар на его даче, причем именно в тот момент, когда я собирался забрать оттуда его документы, – нет, между ними должна быть связь.

– А если замыкание? – для очистки совести спросил я.

– Нет. В случае замыкания огонь распространяется постепенно. Не так быстро, как было здесь.

– Кроме того, – подошла Надежда Анатольевна, – у нас была пожарная сигнализация. Однако она не сработала.

– Вот видите, – сказал эксперт-пожарник, – скорее всего, кто-то вошел в дом, полил все вокруг бензином, обрезал телефон и поджег дом.

– У кого еще были ключи от дома? – повернулся я к На-

дежде Анатольевне.

– Не знаю. Этими делами занимался Коля.

Так. Дело, по-видимому, принимает серьезный оборот. Гораздо серьезнее, чем мне казалось до сих пор. Значит, документы погибли. Стоит предположить, что именно для этого и был устроен поджог. Где еще можно обнаружить их следы? Хм, что за вопрос?...

Я вынул из кармана телефон и набрал телефон МУРа:

– Слава? Это Турецкий. Я на даче Филимонова. Что? Сгорела дотла. Так что, я тебя очень прошу, пошли сейчас же группу в офис Филимонова. Пусть заберут всю документацию. Санкция? Сейчас не до санкции. Если бумаги пропадут, то никаких концов мы не найдем. Я сейчас еду туда же. Привет!

Я позвонил еще и Меркулову, он одобрил мои действия. Я заскочил в машину и поехал в город. Надежда Анатольевна осталась. Мне даже казалось, что она чувствует себя не очень хорошо среди этих людей, что толпились сейчас в их необъятной квартире. Ей, наверное, хотелось побыть одной.

Я приехал раньше муровцев. Над подъездом старинного особняка красовалась вывеска: "Общественно-политическое движение «Вера и верность». И ниже: «Избирательный штаб Н. А. Филимонова». Я толкнул дверь и вошел в подъезд.

Удивительно, но здесь не было ни души. За небольшой загородкой у двери, где обычно сидит вахтер или охранник,

никого не оказалось. Я прошел по коридору. Пусто.

Несколько дверей по сторонам коридора. На них стеклянные таблички, из-под которых вынуты бумажки с надписями. Я открыл дверь одного из кабинетов.

Три стола, шкаф, на стене – плакаты с изображениями генерала Филимонова. Особенно мне понравился безапелляционный лозунг на одном из них – «Послужи Отчизне. Голосуй за Филимонова». То есть, только проголосовав за него, ты можешь послужить Отчизне. Лихо!

В кабинете не было ни души. Я подошел к одному из столов, выдвинул по очереди несколько ящиков. Ластик, точилка, стопка чистой бумаги. Осмотр остальных столов дал тот же результат – то есть ничего. Ровным счетом.

Я прошелся по кабинетам. Такое впечатление, что нахожусь на «Летучем голландце», во всяком случае, как описывают его люди, посетившие корабль-призрак. Ни одного человека, но как будто все они ушли буквально несколько минут назад. Горячий чайник на специальном столике в приемной. На столе секретарши – недопитая чашка кофе. Еще теплая. Над пепельницами сигаретный дымок. Все внезапно исчезли. Неизвестно куда.

Или ушли... Ушли и прихватили с собой все бумаги. Все, что могли унести. Поэтому-то офис никто и не охраняет. Охранять больше нечего. Ничего нет!

Погоди– погоди, Турецкий... Этого не может быть. Не может быть, чтобы целое учреждение просто так снялось с ме-

ста и скрылось в неизвестном направлении! Ну не цыгане же они, в самом деле!

Тем более что в этом офисе осталось немало ценного. Телефоны, мебель, почти в каждом кабинете ксерокс. На столах – компьютеры.

В коридоре слышались шаги. Грязнова я узнаю за километр. Через секунду в дверном проеме появилась фигура Славы.

– Здорово. А где все? – с места в карьер начал он.

– Как видишь – никого.

– Куда же они делись?

Я пожал плечами:

– Телепортировались в другую галактику, судя по всему.

Грязнов понимающе кивнул:

– Внезапная телепортация целого учреждения сама по себе может стать уликой, как считаешь?

Я неопределенно хмыкнул.

– Самое главное, что в другую галактику они прихватили с собой все бумаги.

– А вот это уже будет посерьезнее. Ты во всех столах смотрел?

– Да.

– А ключи от сейфов?

Я усмехнулся:

– Они не понадобятся. Все сейфы распахнуты настежь. И пусты, как вакуумные камеры.

Слава отдал распоряжение своим ребятам проверить все комнаты, а сам уселся за стол секретарши.

– Ты смотри, они даже перекидной календарь забрали. Ну дела!

– Раз забрали, значит, была причина.

– Очень ценное замечание. И если связать это с убийством и пожаром на даче...

– Вероятно, кто-то хочет полностью уничтожить все следы деятельности генерала Филимонова.

– И его команды, – закончил Грязнов.

– Зачем? – задал я риторический вопрос.

– А вот на это мы и должны ответить.

– Есть! – вдруг послышался чей-то голос из коридора. Мы кинулись туда.

Это кричал один из оперативников. В одном из сейфов скромненько так лежал полиэтиленовый пакет с несколькими пачками денег в банковской упаковке. Это были доллары.

– Ты гляди-ка, – ничуть не удивился Грязнов, – они так торопились, что забыли прихватить денежки.

– И немалые, надо сказать. Судя по надписям на упаковках, здесь...

Я пересчитал пачки.

– ...Двадцать три тысячи долларов.

– Нормально, – заметил Грязнов. – Нестеренко, оформи изъятие.

– А может, я сам оформлю? – предложил я. – На счет Ге-

неральной прокуратуры? А?

Грязнов поморщился:

– Не мелочись, Турецкий. Чую я, что в этом деле таких изъятий будет полно. Так что и на вашу долю достанется.

Шутки шутками, а нужно было найти хоть какие-то следы. Не могло же их не остаться от деятельности такой организации. И вдруг меня осенило:

– Слава! Компьютеры! Вот что надо изымать. В них должна быть вся документация.

– Молодец, Саня, – отозвался Грязнов. – Башка у тебя варит.

...К сожалению, когда мы попытались включить компьютеры, нас ждало разочарование. Из всех компьютеров были изъяты жесткие диски. Так что теперь они представляли собой лишь кучу бесполезных деталей.

– Нет, но должно же остаться хоть что-нибудь! – твердил Грязнов, бродя по пустым комнатам. – Хоть что-то!..

– Ну ладно, – сказал я наконец, – вы тут поищите, а я поеду в Госдуму – там в кабинете Филимонова тоже кое-что может быть.

– Сегодня ты будешь в прокуратуре? – вдруг спросил Грязнов.

– А что?

– Я тебе пришлю своего человека. Как и обещал. На подмогу.

– Кого это?

– Увидишь. Старший лейтенант Кот.

– Ну и фамилия!

– А что? Для милиционера самая подходящая.

Когда я выходил, увидел на полу несколько бумажек. Это были счета за телефонные переговоры. Я сунул бумажки в карман и поехал в Думу.

Однако и тут меня ждала неудача. Когда я поднялся в кабинет Филимонова и сорвал наложенные вчера, сразу после убийства, печати, то застал почти такую же картину, как и в офисе. Девственно чистые шкафы и ящики, ни одной живой души. Видно, и здесь кто-то поработал... Погодите, но тогда получается, что этот кто-то изъясил все бумаги сразу после убийства. В течение получаса или, предположим, минут сорока, которые прошли между убийством и моментом наложения печатей.

Никого из бывших помощников или людей, хоть как-то связанных с Филимоновым, я не нашел. Как и вообще кого-либо. Я было хотел разыскать заведующего административно-хозяйственным отделом, но его на месте не было... Короче говоря, несолоно хлебавши я поехал в прокуратуру.

После того как моя коллега-следователь Лиля Федотова вышла замуж и уволилась из прокуратуры, второй стол в моем кабинете пустует. Не то чтобы я скучал по Лиле – с ней у меня случилась парочка эпизодов, о которых хочется поскорее забыть. Но иногда я, глядя на этот стол, вспоминаю ее язвительные замечания, ее короткие юбки, которые иногда

можно было назвать полным отсутствием таковых, а главное – ту иногда очень ценную помощь, которую она оказывала мне. Конечно, это мечта каждой женщины – выскочить замуж повыгоднее и устроиться поудобнее под теплым крыльшком. Это естественное желание. Но иногда бывает очень жалко. Такие кадры теряем...

И вот представьте себе, захожу я, значит, в свой кабинет, а за бывшим столом Лили Федотовой сидит девушка. Симпатичная такая блондиночка в очках и со скромно зачесанными назад волосами. Причем мне показалось, что я ее уже где-то видел.

Как только я вошел, она зыркнула на меня как-то очень строго и вытянулась в струнку. Встала по стойке «смирно».

Да, забыл сказать, одета она была в мышиную милицескую форму.

– Вот те раз, – говорю, – уж не натворил ли я чего лишнего, если ко мне милиция без приглашения пожаловала?

Хоть бы улыбнулась, что ли. Смотрит сквозь свои стеклышки, как будто Устав караульной службы изучает.

– Старший лейтенант Кот, – произнесла она без каких-либо заметных интонаций, – прибыла в ваше распоряжение.

Ага, все понял. Так это и есть тот самый сюрприз, что мне приготовил Слава Грязнов. Ну что ж, друг есть друг. Плохого не подсунет. Хотя...

Где же я ее видел?

Честно говоря, я немного по-другому представлял себе

милиционера по фамилии Кот, того, о котором говорил давеча Грязнов. Ну начнем с того, что это должен быть мужчина. Толстый такой, вальяжный, усатый, полосатый... Нет, это уже, пожалуй, лишнее.

– Здравствуйте, старший лейтенант Кот. Присаживайтесь, пожалуйста.

Я сделал некое движение, протягивая ей руку для пожатия, но строгий старший лейтенант сделала вид, что не заметила, и снова уселась на Лилин стул.

Я тоже сел напротив и сплел пальцы рук на столе.

– Ну что ж, будем знакомы. Меня зовут Александр Борисович. Для своих просто Са...

– Да, господин Турецкий, меня Вячеслав Иванович проинформировал, – процедила она.

Сидит, смотрит, а в глазах – один Уголовный кодекс. Уж не Слава ли ее так натаскал?

– Хорошо, старший лейтенант Кот. У меня как раз есть для вас дело. Кстати, может быть, можно как-то покороче? Чтобы каждый раз не повторять «старший лейтенант Кот». Может быть...

– Можно просто – лейтенант Кот.

Нет, вы видите, что творится? Может быть, конечно, просто стесняется? Но застенчивых милиционеров в своей жизни я встречал немного. Не та специфика. Ну где же я ее видел, а?

– Лейтенант Кот, мы с вами случайно нигде не встреча-

лись?

Она неожиданно кивнула. И подняла глазки. Оказались они у нее голубыми-голубыми, что не могли скрыть даже очки.

– Да, – молвила старший лейтенант Кот, – мы с вами встречались в МУРе. Я цыганку допрашивала, а вы зашли...

Все, вспомнил. Нет, Турецкий, ты все-таки действительно старшешь. Некоторые симптомы раннего склероза налицо. Ведь ты обратил внимание на молоденькую, и, чего скрывать, очень-очень привлекательную девушку-оперработника в царстве Грязнова. Этаким нераспустившийся бутон в логове угро. Обратил внимание и сразу забыл. Текучка заела.

– Да-да, помню-помню. Вы с Галкой Разумовской возились. Она вам что-то о несчастной жизни своей пела.

На лице старшего лейтенанта наконец появилась улыбка.

– Да. А вы ее давно знаете?

– Н-ну, знаете, старший лейтенант, в нашей профессии встречаешься со множеством людей. И главное, с некоторыми неоднократно.

Через полторы минуты мы болтали с молодой оперативницей как старые друзья. Кстати, оказалось, что у нее есть имя. Оля.

– Ну что, Олечка, – сказал наконец я, после того как она рассказала мне о себе почти все, – пора к делу.

– Слушаю, – посерьезнела она. В глазах вновь появился отблеск Уголовного кодекса.

– Милая Оля, кто-то из писателей, кажется, сказал, что если он не видит на женском лице улыбки, ему хочется выбежать из комнаты и больше никогда не возвращаться.

Оля вновь приподняла уголки рта вверх.

– Совсем другое дело. Так вот, – я достал из кармана телефонные счета, которые подобрал в офисе Филимонова, и протянул ей, – узнай, пожалуйста, вот по этим счетам номера телефонов, по которым звонили. И побольше информации. Фамилии, имена, адреса, учреждения, города. Тут, кажется, и страны разные. Короче, максимум, что удастся узнать.

– А позвонить по этим телефонам можно? Справочные работают сами знаете как, пока что-нибудь узнаешь...

– Прекрасная мысль. Только очень осторожно. Чтобы никто не заподозрил, что ты из следственных органов.

– Само собой.

– Действуй.

– А международные звонки как? Прямо отсюда можно? – простодушно спросила она.

– Ну, – развел я руками, – можно-то можно, но потом вычтем из твоей зарплаты. В трехкратном размере.

Оля оказалась способным работником – через полчаса на моем столе лежал список телефонов, по которым звонили из конторы Филимонова.

Так, посмотрим.

«Германия, город Лейпциг. Звонки производились 12.06, 21.06, 24.06, 02.07 сего года. По указанному телефону нахо-

дится штаб Партии возрождения Германии».

– Что за партия? – спросил я Олю.

– Я навела справки. Это националистическая партия, близкая, по некоторым сведениям, к полуфашистским кругам. У них даже некоторых членов судили за националистические высказывания.

– Да, – вздохнул я, – у них с этим строго.

Оля кивнула.

– Кстати, по другим телефонам в Италии, Франции, Бельгии и Испании тоже находятся подобные учреждения.

– Это наводит на мысли... Что же, партия Филимонова имела тесные контакты со всеми фашистами в мире?

– Выходит, так.

– Угу, – буркнул я, – а другие телефоны?

«США, Нью-Йорк. Частные телефоны. Звонки 15.06 и 06.07».

– А кто живет по этим телефонам, выяснить не удалось?

Оля отрицательно покачала головой.

«США, Нью-Йорк. Офис фирмы „Нью-Мос“. Звонки производились регулярно, ежедневно, по несколько раз в день».

– Что это за «Нью-Мос» такой?

– Не знаю. Только они отлично говорят по-русски.

– Да что ты? Это уже интересно. Ты туда звонила?

– Да. Только хотела по-английски спросить, а они отвечают: «Это кто?» С таким одесским прононсом. Я попыталась узнать, чем они занимаются, но они мне очень грубо ответи-

ли и положили трубку. Еще и обругали.

– Я скажу Грязнову, чтобы он тебе премию выдал. За вредность. Это все?

– Да.

Так. Значит, во всех странах филимоновцы общались с националистическими партиями, и только в Америке с неким частным лицом и с фирмой. Может, в Америке нет фашистов? Но это не так. Фашисты, к сожалению, есть везде. Значит, логично предположить, что в Америке у них были другие дела. Другие интересы. С какими-то непонятными «одесситами»... Хотя в Нью-Йорке среди наших эмигрантов это самый популярный акцент.

Не Бог вещь какая ниточка, но, за неимением другой, потянем за нее.

Я посмотрел на часы. Без десяти пять. Отнимаем восемь – в Нью-Йорке около девяти утра. Самое время звонить Кэт.

Кто не знает – Кэт Вильсон это моя американская знакомая. Работает, между прочим, не где-нибудь, а в нью-йоркской полиции – руководителем отдела по расследованию убийств. Надеюсь, вы понимаете, что это такое? Убийств в Нью-Йорке происходит на порядок больше, чем в Москве, и поэтому работы у нее, как это ни печально, мало не бывает. И, несмотря на свой возраст – Кэти всего двадцать пять лет, – она справляется с ней на «отлично». Словом, настоящий профессионал. Мы познакомились с ней еще в Гармиш-Партенкирхене, в Германии, когда вместе участвова-

ли в программе «Пятый уровень», организованной Европейским центром исследования вопросов безопасности имени Джорджа Маршалла – См. романы Фридриха Незнанского «Выбор оружия» (М., 1997), «Заговор генералов» (М., 1998) и др. Мы подружились в этом замечательном городке в южно-баварских Альпах и с тех пор по мере сил помогаем друг другу: я – ей, а она – мне. Замечу, очень симпатичная девочка.

– Хеллоу, – донесся из трубки голос Кэти.

– Хай, Кэт! Привет! Это Саша.

Кэт секунду помолчала, видимо усваивая русские слова. Кстати, она сносно говорит по-русски.

– О-о, Алекс! Хеллоу! Здравствуй! – наконец закричала она в трубку. – Ты откуда? Ты в Нью-Йорке?

– Нет. Я звоню из Москвы.

– Это... Какими судьбами?

– Твое знание русского языка все время прогрессирует. Только надо говорить «судьбами» с ударением на последнем "а".

– Сэнкс, Алекс, спасибо. Я это обязательно учту. У тебя какое-то дело или ты звонишь просто?

– Кэт, я всегда рад с тобой поболтать, но, к сожалению, начальство не разрешает часто звонить в Америку. Ты же знаешь, у нас кризис.

– О да, я смотрю телевизор. У вас... как это сказать?... Перманент... Постоянный кризис.

– Да, верно. Перманентный.

– В русском языке тоже есть такое слово?

– Да. Раньше оно обозначало завивку волос у женщины.

Так и называлось – «перманент». А кризис перманентный, потому что нас тоже всех тут в трубочку свернуло...

– Что-что? Я не могу так быстро понимать.

– Да ладно, это не важно. Кэт, мне нужна твоя помощь.

– Что-то срочное?

– Да. Нужно узнать по телефонным номерам, кто живет там, какой адрес или какая организация.

– Да, это очень просто. Я сейчас запишу...

И действительно, через двадцать минут из моего факса выползло сообщение Кэт Вильсон.

Один из частных телефонов принадлежал некоему Евсею Михайловичу Беляку, бывшему эмигранту из СССР, выехавшему в середине восьмидесятых годов. Кэт приписала, что в компьютере полицейского управления Нью-Йорка есть некоторые неподтвержденные сведения, по которым он связан с так называемой «русской мафией». Однако он ни разу к суду не привлекался и никаких прямых указаний на то, что он ведет какую-то криминальную деятельность, не обнаружено.

Второй телефон принадлежал врачу-кардиохирургу Эдуарду Кипарису. Ничего определенного о нем Кэт узнать не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.